

Халим

Считать подвигом

Из дневника Халимы

«Я пришла к строгому выводу — непримиримо бороться с несправедливостью, за то, чтобы ни один человек не страдал без вины».

11 ФЕВРАЛЯ 1987 ГОДА.

За дастарханом не раз говорили о делах, о жизни вообще, о ценах на ба-
зарах, о погоде. На этот раз речь зашла о новом прокуроре. Начал Салает-
дин:

— Экелер, убейте, честное слово! Никак не доходит до меня суть
одного обстоятельства. Вот позавчера один парень с помощью двух дружков
украл любимую девушку. С ней ничего плохого не произошло. Мы мигом
их задержали. А эта... новая прокурорша, взяла и всех их посадила в ИВС.
Хотя не было необходимости в подобной мере пресечения. Я не выдержал и
зашел к ней. Хотел сказать ей, что не права. И что вы думаете? Она выста-
вила меня за дверь, оскорбив всю милицию и обозвав нас нахлебниками.
Чуть не задавила меня «гусеницами» неумеренного гнева.

— Может, к такой мере пресечения Джембарова прибегла не от хоро-
шей жизни? Представьте, что родственники девушки вдруг решили бы отом-
стить ребятам? — Халима Джораевна хотела докопаться до истины.

— В таком случае я бы не стал хлопотать за них. Не было такой
угрозы. Я ведь знаю их всех как свои пять пальцев!

...Если вести отсчет от этого дня, то Халиме Джораевне жить остава-
лось всего 7 месяцев и 2 дня! Самое обидное и неслучайное заключалось
в том, что ее дальнейшая судьба отныне была крепко связана именно с этим
происшествием и зависела от того, как и чем оно кончится.

Сейчас никто о последствиях не думал. И думать не мог.

Кража была только началом. Небольшим эпизодом. Остальное произой-
дет через 7 месяцев и 2 дня.

Сидящие за столом у старого следователя время от времени возвраща-
лись к началу этой истории. Обычные застольные беседы. Разговоры

разговорами и остаются. От них болит голова. Будоражится душа. Они могут разгорячить человека, пробудить в нем дух сопротивления, воодушевить на борьбу. Но бессильны в том, чтобы получить продолжение в виде самой — реальной борьбы.

В данной ситуации решала все борьба. Лишь схватка с несправедливостью могла бы пресечь приближающуюся трагедию.

О предстоящих неприятностях и несчастьях собравшимся у Палты Ачиловича намекал уже Кыямов. Было ясно, что с тремя ребятами поступили самоуправно — неверно была использована мера пресечения. Это сделано по воле прокурора. Необоснованное решение и последовавшие противоправные ее действия взволновали всех четверых, сидящих за столом. Бюрократические инстанции и инструкции связывали им руки: Палта Ачилович — пенсионер. Хаиткулы — отставник. А Кыямов — лишь старший инспектор местного угро, его возможности ограничены в данный момент.

Одна лишь Розыбаева имела большие полномочия. Да и то применить их она могла в случае, если поступит жалоба в обком и проверку этого заявления поручат ей.

— Аксакал, — Салаетдин Кыямов резко расстегнул замок джемпера с длинными рукавами и, стуча кулаком по левой стороне груди, показал:

— Вот здесь, где сердце, покоятся еще не проверенные, но уже народившиеся думы о прокуроре. Хотите, поделюсь? Но с условием — ни одному слову, что скажу, — не верить. Но и не забывать. Хоп? Джембаров, прежде чем сделать шаг, заранее его сто раз обдумает и взвесит. Почему она применила к ребятам такую меру пресечения? Барану понятно. Только чтобы припугнуть родителей! Она знает, как это делать в местных условиях. Стоит лишь слегка потрепать предполагаемую жертву, помять ее, провести по глотке вместо лезвия хотя бы волоском — и эффект будет потрясающим. Один сослуживец сострил на ее счет: мол, видел, как берут на «лапу», и сам брал по мелочам, но такие взятки, какие гребет она, вижу впервые.

Хаиткулы, тряхнув головой, будто очнулся ото сна, потянулся к телефону. Поднял трубку, набрал нужный номер, через секунду спросил:

— Прокуратура? — Смех тут же прекратился. Все сидящие за столом взглядом устремились к нему. — Прокурор у себя? Пусть поднимет трубку. Кто звонит? Мовлямбердыев просит... Здравствуйте, это я, отставник, беспокою. Да ничего, пока не жалуюсь. Нормально. Да, как же... что вы... Ну и что, кандидатский? Я-то остаюсь тем, кем был, а вот о других трудно сказать... Разлучая влюбленных, берут на себя грех... Да, речь о трех молодых. Да нет, откуда знать мне этих ребят? Я вот сижу и ругаю своего бывшего сотрудника... Это же, говорю я ему, работа не прокуратуры, а милиции. Хорошо, если так убедил. Ну и прекрасно...

Полковник в отставке, положив трубку на рычаг, размахисто занес было кулак над аппаратом, но в последний момент плавно опустил его на телефон:

— Хитрая баба. Не успел заикнуться, как услышал в ответ: «Есть, товарищ Мегрэ».

— Что, освобождает ребят? — вмешался Салаетдин Кыямов.

Хаиткулы утвердительно кивнул и потребовал от Салаетдина рассказать обещанный анекдот.

— В противном случае,— решил он шутливо припугнуть,— позвоню снова и потребую, чтобы задержали ребят...

Когда все уже собрались уходить, затрезвонил телефон. Хаиткулы поднял трубку, передал хозяину дома. И Палта Ачилович ненадолго задержал ее в руке, слушая звонившего, позвал Розыбаеву. Халима, закрыв мембрану ладонью, вскинула брови, как бы спрашивая у Палты Ачиловича, с кем имеет честь говорить. Старый следователь назвал имя звонившего.

Лицо Халимы потемнело.

На другом конце провода басил тот самый, кто ровно через семь месяцев и два неполных дня перешагнет через порог квартиры Халимы, чтобы лишить ее жизни...

ПОЯСНЕНИЕ АВТОРА

В один из летних дней (точную дату не помню) я выехал в Керки в творческую командировку. После полудня заглянул в межрайонную прокуратуру. В приемной разглядел двух женщин.

Они меня не знали, и я их тоже. Поэтому вначале чувствовал себя неловко, даже в первый миг ступешался, не решаясь обратиться к кому-либо. За дверью, обтянутой коричневым дерматином, гулко звучал на повышенных тонах голос Джеббарово́й, властный и сильный, не терпящий никаких возражений. Слова ее, словно камнепад в горах, падали тяжело и раскатисто, так что спокойно можно было расслышать все, о чем она полуговорила-полукричала, выйдя на площадь Дашсарая¹.

— ...Тот, который утверждает подобное, пусть отведа́ет моего говна. Так и передай.

В ответ взвизгнул тонкий, не желающий ни в чем уступать хозяйке кабинета, женский голосок:

— Чего лепечешь? То, что услышала, подтверждаю я сама, поняла? А говно твоё тебе самой пригодится, сперва сытно поешь сама, потом, если останется, предлагай другим.

— Ах, вот как? Сама, значит... сама...

— Ты им потчуеть, значит, сама и ешь своё дерьмо! Ешь вдоволь. Не ты ли закрыла дело? Капитан Янгибаев в КПЗ ударил наганом моего брата и пробил ему голову. А ты прикрываешь его. Знаю, вчера съездила к нему домой. Ты не за спасибо покрываешь зверства капитана... ты...

— Не тыкай, баба!

— Ты сама баба... Смотри, как бы твоим же дерьмом не заткнула тебе рот...

После диалога, с точностью здесь воспроизведенного, мне стала понятна напряженная скованность двух застывших по соседству со мной женщин, их неподдельный испуг на неподвижных лицах. Головой кивнув в сторону двери прокурора, я обратился к женщине, одетой по-местному:

— Что там происходит?

¹ Караван-сарай, построенный отцом Файзуллы Ходжоева. Дословно — каменный двор.

— Да одна скандалистка пришла, — ответила она.

— И давно? — После того как произнес эти слова, до меня самого дошла их очевиднейшая несуразность, и я попытался быстрее уточнить: — А надолго ли?..

Кто была заговорившая со мной женщина, я узнаю не скоро. И уж никак не предполагал, что жить ей оставалось даже меньше, чем Халиме Розыбаевой. Она пока не чувствовала приближавшейся трагической развязки. Без стеснения, в присутствии незнакомого человека, прислонясь к стене ухом, переминаясь с ноги на ногу, подслушивала, ловила каждый звук, доносившийся из кабинета. Быть может, прокурор, имея в виду озлобленность посетительницы, сама попросила ее быть начеку?!

Я не докучал ей расспросами, кто и что она, да и сам не спешил представиться. У меня оставалось ровно тридцать минут на разговор с прокурором, после чего собирался немедленно выехать в Халач.

Я попросил незнакомку позвонить мне, как уйдет посетительница, и отправился к заместителю прокурора. Его кабинет был в другом крыле здания с автономным входом.

Оказалось, что заместитель и прокурор не ладили меж собой.

— Если вы хорошо знакомы, посоветуйте ей поскорее убираться отсюда. Иначе ей здесь откроют глаза...

Я возьми да и ляпни:

— Куда?!

Он, будто забыв, кто сидел перед ним, не в себе закричал:

— Да-да, хоть в ад.

Хорошо, что в этот момент позвонили из приемной.

Джепбарова была взбешена. Она выглядела так, словно пекла чурек в тамдыре, ее круглое лицо опухло, расплылось, пошло пятнами: серо-черными, красно-синими. Кивнув на мое приветствие, осталась стоять за рабочим столом.

Мы давно не виделись. За минувшее время она заметно похудела. И это ей вроде бы пошло на пользу.

С 1958 года, после окончания университета, я, наверное, всего раза три встречался с нею. Раз — на каком-то приглашении места наши оказались рядом. Два других состоят из случайных, мимолетных встреч. Удивительно мало за столько лет для живущих в одном городе и знакомых еще с университетской скамьи.

Чернявенькой, густоволосой, застенчивой девчонкой в красном кетени¹ запечатлелась Хаитгюль Джепбарова в моей памяти. Ее ровесницы даже в те годы редко одевались в кетени. Жила она в одной комнате и дружила с Сельби Солтановой, боевой, хлебосольной, с хорошо подвешенным языком студенткой из Керкинского района. Обе девушки поступили в университет на два года позже, чем я. Окончили альма-матер и разлетелись, как птенцы из гнезда. С Сельби Солтановой позднее встречаться не доводилось. Года три или четыре назад дошли до меня слухи об убийстве Сельби и ее матери...

Еще в университете говорили о том, что Сельби — богатая невеста.

¹ Ткань, из которой шьют национальную женскую одежду.

Парень, наш односельчанин, друживший с нею, дразнил ребят-сокурсников, хвастливо показывая на наручные часы:

— Вы дарите своим любимым подобные драгоценности? А мне вот возлюбленная преподнесла золотые часы на день рождения. Учитесь, как надо жить...

Случай с Сельби, убитой в один день вместе с матерью, все это время не давал мне покоя. Расспрашивал следователей разных рангов, работников угро, задавая им один и тот же вопрос: есть ли что новое?

Так и ухлопал три года.

На четвертый невыясненная участь Сельби привела меня к конторе, где работала Джепбарова.

— Как тебе здесь? — спросил я и очень скоро убедился, что лучше было бы прикусить язык. Она как будто ждала моего вопроса:

— Как? Как? А вот так — во всех Керках, оказывается, нет ни одного приличного мужчины. Разве это мужики? Они слезливые бабы. Только на подметки годятся. Трусливые зайцы. Тряпки! — Она распалялась все больше, бросая в мою сторону очередные ругательства, как куски жира на раскаленную сковороду, словно во всем был виновен не кто иной, как я. Джепбарова, перегибаясь через стол, чуть не навалилась на меня огромной грудью.

Сейчас нельзя было ей возражать. Я не имел в виду озлобленность и ярость Хаитгюль, просто теперь она могла завестись от нечаянно оброненного слова. Потом ее не удастся остановить. Я все ждал, когда она запнется. Но Джепбарова тараторила без умолку. Ее тарабарщина сводилась к одному: здешние мужчины — не мужчины, а базарные бабы.

Я держал язык за зубами, боясь сказать что-либо невпопад. Но вышло так, чего опасался больше всего, — вопрос все-таки сорвался, как спелый абрикос от слабого вздоха ветерка:

— Так, значит, ты впервые здесь?

Она горько усмехнулась, кусая мясистые губы:

— Нашел новичка. Пусть крыша упадет на голову тому, кто бы лучше, чем я, знал Керки. Я тут педучилище окончила. Стажировку после университета здесь прошла, проживая у Сельби.

Моему удивлению не было границ. Все студенческие годы она кормилась за счет Сельби. Всегда и всюду шла по ее следам... Но о том, что и после университета Хаитгюль год жила и кормилась здесь, у Солтановой, не знал и думать не думал.

Эту информацию я тут же осмелился пустить в ход:

— Если так, то, Хаитгюль, ты тройной должник Сельби и ее матери. Все в твоих руках. Почему бы тебе не заняться всерьез, основательно изучением этой семейной трагедии? Если верить слухам, у них ничего не взяли. Даже золотые кольца и серьги... ковры ручной выделки... ровным счетом ничего.

Джепбарова криво усмехнулась:

— Ну и простак же ты, Октем. Что такое сережки-мережки, кольца-мольца по сравнению с вылитым из чистого золота чайником и пиалушками, ха? Зачем вора мелочь — серьги-перьги, когда все это богатство под руками?

— Да брось ты. Скажешь тоже.

— Зачем бросать, когда я сама вот этими руками держала за ручку золотой чайник, а из золотых пиалушек пила чай, и не раз. Солтановы от меня ничего не держали в секрете. И ничего не прятали. Если ты такой смелый, пошли со мной к тому дому, где и сейчас пьют чай из бесценных пиалушек и чайника. Назови мне хоть одного «героя», у которого бы хватило духа заняться расследованием обстоятельств этого во многом загадочного убийства.

Я назвал двоих.

Лицо у прокурора передернулось, приняло серьезный, озабоченный вид. Она уже не кривила, а лизала кончиком языка пересохшие губы. Я отметил про себя, как у Хаитгуль почему-то опустились плечи. Оторвав цепкий взгляд от меня, перевела его на дверь. Ей, очевидно, померещилось, что названные мною люди могут вот-вот постучаться и войти. Джеббарова попыталась подавить внезапно обуявший ее испуг.

С первым прозвучавшим в ее кабинете именем она согласилась:

— Да, Хаиткулы Мовлямбердыев — это личность с большой буквы. Но его уже, считай, нет.

— Как нет?

— Я хотела сказать, что он больше не существует для розыска. А Халима, Халима сильна на проверки, а в оперативной работе кругленький ноль. В этом деле нужна не она, а Мегрэ. Считай, его уже нет. Его съели со всеми потрохами...

Мне показалось, Джеббарова хотела убедить прежде всего себя, а не меня в том, что Хаиткулы безвозвратно потерян для розыска. И ее горечь по поводу этой потери исходила не от души, была показной. Она явно кривила душой.

— Жаль, что недооцениваешь Халиму. Плохо ее знаешь. Она на своем посту — второй Хаиткулы! Если к кому прицепится, не отпустит, как слепой блоху.

— Не преувеличивай. Я знаю эту бабу. Она сухарь. Бессердечная. Вчера уехала. Была здесь. Я посадила одного злостного алиментщика. Халима же возразила, что это, мол, противозаконно. Обещала, что выговор мне обеспечит. А я послала ее подальше. Напомнила, что против каждого ее верблюда у меня есть слон. Если в области все верблюды — ее, то в Ашхабаде все слоны — мои. Ты знаешь первого заместителя прокурора республики? Ты же должен его знать, вместе учились.

— Нет, — отрицательно покачал головой, — не помню такого. И не за этим я приехал сюда. Меня интересует тайна убийства Сельби и ее матери, о котором, к удивлению, ходят самые нелепые слухи, строятся самые противоположные версии. Как же могло такое случиться не замеченным для ушей и глаз горожан? Кругом же соседи...

Керки — город, любящий посплетничать. Керкинцы из сырой глины слухов мастера лепить и колоссов на глиняных ногах, и маленькие свистульки-шептульки. Мастера и приукрасить, и приуменьшить. С ножницами в одной руке, с иглой — в другой. Не успеешь глазом моргнуть, как перекроют, перешьют, такого насвистят, что хоть падай. Новости в Керки распространяются с быстротой вируса гриппа, вмиг. Словоохотливый городок всегда во всем осведомлен, в курсе всех дел и событий. И если

здесь не нашли, не ухватились за нить убийства, значит, просто не хотели. Могли, но не хотели.

Ровно через семь месяцев и два дня я начну подозревать тех, кому посчастливилось держать в своих руках вылитый из солнечного металла чайник, пить чай из золотых пиал.

В чайханах Керки разное судачили об этой трагедии, разные фамилии и адреса называли. А кому это надо?

— Ты что, собрался написать о Сельби?

Не помню, что скалambuрил я в ответ Джембарово́й. Ее вопрос не сразу дошел до моего сознания, потому что волны раздумий уже уносили меня в море опасных приключений, в неумолкающую стихию человеческих страстей...

Сильный удар захлопнувшейся дверцы сейфа, а также скрежет крутящихся ключей в замке штормовой волной выбросили меня на берег происходящего.

— Уволят — уйду... Что хотела, я уже взяла... От прокуратуры...

Что вложила Хаитгюль в свои слова — не понял тогда, и сейчас для меня они остаются загадкой. Но в одном я убедился окончательно — зря потерял полчаса драгоценного времени: здесь, в государственном здании, которое лихо приспособили под второй личный дом, напрочь отсутствует заинтересованность в раскрытии чудовищного преступления.

ИНТЕРВЬЮ

с Бабамурадом Назаровым, старшим помощником по кадрам облпрокурора.

А в т о р: Бабамурад, мне стало известно, что ты участвовал в первоначальном расследовании по поводу дачи взятки Джембарово́й. Верно ли это?

Б а б а м у р а д. Халима Джораевна первой начала расследование. Я был вроде помощника. Вас интересуют подробности или рассказать коротко?

А в т о р. Если можно, то поподробней.

Б а б а м у р а д. В первой половине июня 1987 года меня пригласил к себе прокурор области Борис Леонидович Кадер и сказал: «В обкоме есть жалоба на Джембарову. Предстоит обкомовская проверка. Едет Халима Джораевна. Ты будешь там. Окажи помощь. Хоть проверка по их линии, но кадр-то наш».

А в т о р. Что означает фраза Бориса Леонидовича: «Ты будешь там»?

Б а б а м у р а д. У нас намечалась плановая проверка — кадровое положение в межрайонной прокуратуре Керкинского района. Предполагалось направить туда меня. Вот что имел в виду прокурор области. Я и выехал в Керки днем раньше. На следующий день мне позвонила Халима Джораевна, сообщила, что находится в райкоме партии: «Ждем тебя, приезжай». Оставив дела, поехал. В кабинете кроме Розыбаевой находились муж и жена Рахманкуловы. Халима Джораевна познакомила их со мной и немешкая приступила к делу. Показала письмо, присланное в обком без подписей: «Здесь ссылаются и на вас!» — и подала его Рахманкуловым. Они хотя и не стали вчитываться в содержание, но, подержав в руках аккуратно

согнутый пополам лист бумаги, вернули его на стол. Потом последовал первый вопрос: «Не вы ли писали это?»

Оба, одновременно щелкнув языками и качая головами, дали понять, что не они авторы: что вы!..

В этой ситуации Халиме Джораевне пригодилось все: и приобретенная за время работы в прокуратуре профессиональная сухость, мелочная дотошность, кропотливость, скрупулезность и сердечность партийного работника, умение убеждать. И в данном случае... с мужем и женой Рахманкуловыми, только что наотрез отказавшимися от письма, сумела найти общий язык.

А в т о р. Известно, что наружность, характер, привычки, даже голос определяют само поведение человека. Немаловажное значение имеют порядочность и умение оставаться самим собой. Для людей вашей профессии важно не поддаваться искусственному, наносному, а значит — ложному представлению. Вот такое, по-моему, естественное поведение сглаживает натянутые отношения, сокращает расстояние между людьми.

Б а б а м у р а д. Вы правы. Я впервые стал очевидцем, как Халима Джораевна преодолевала то расстояние, о котором только что шла речь. Мне не приходилось работать с нею в одном коллективе. Слышал, что она крутая, мало думающая о том, как будет воспринята оппонентом ее нелицеприятная правда. Открытая прямота обычно вызывает у человека ответную твердость, замкнутость. Нет, не твердость, а упрямство. На этот раз я стал свидетелем, что это не всегда так.

А в т о р. Ты взбудоражил и мою память: словно слышался мне ее голос. Он до сих пор звучит в ушах. Лицо Халимы хоть и было не из улыбчивых, но ее голос сразу располагал к себе, как бы просил извинения за ту самую прямоту, был низким, бархатно мягким.

Б а б а м у р а д. Верно подмечено. Наши коллеги, беседуя с ней, не раз незаметно переходили на неофициальный тон и обращались к ней: «Халима-апа»¹. Это ей самой нравилось. В таких случаях она по-свойски улыбалась.

Обычно, когда идешь к начальству, придирчиво осматриваешь себя, стараешься быть подтянутым, контролируешь каждый жест, слово, чтобы вдруг не к месту лишнего чего не ляпнуть. Начальники бывают разные: одним не хватает терпения выслушать до конца, другим обязательно нужно перебить или же оглушить окриком, третьим предпочтительней пронзить тебя вечно недовольным взглядом. У Халимы-апа можно было отвести, излить душу, не боясь последствий.

А в т о р. Не раз видел, встречал таких, которые клещами рады выдернуть из тебя нужную им мысль или слово, а в необходимый момент твоими же словами заткнут тебе рот. Почти нет таких людей, кто не знал бы Ходжаназарова. Был такой. Случалось, придешь к нему один, без свидетелей. Посидишь, поболтаешь, уйдешь. А он после ухода поднимает трубку, набирает номер твоего друга или большого начальника, симпатизирующего тебе, и начинает так: «Уважаемый, хоть режьте, хоть казните, я разочарован. Как же так? Вы хвалите, ласкаете, продвигаете его, а он кусает ваши пальчики...» Тот, на другом конце провода, конечно, захочет узнать, о ком идет

¹ Уважительное обращение к старшим; старшая сестра.

речь. Но Ходжаназаров назовет его не сразу, где-то в середине разговора, после впрыска в вену собеседника двойной дозы наговора-лжи. Никуда не денешься — был у Ходжаназарова? Был. Сидел? Сидел. Говорили? Говорили. О чем? Здесь уже каждый может полагаться на свою совесть. А совесть как раз есть не у всех... Все знают, что нельзя положить дрова на натянутую во дворе веревку. Знают, да с удивительной легкостью и обезоруживающей наивностью верят и в иной вариант. Этот Ходжаназаров. Ну, да ладно, хватит о нем, не стоят он и ему подобные стольких слов и времени. Халима Джораевна таких не переносит. Ей знакомы их приметы: уши — локаторы, нос — пылесос, вынюхивает, ловит и собирает сплетни из общественного мусора...

Да, чем завершилась беседа с Рахманкуловыми?

Б а б а м у р а т. Они подтвердили факт дачи пяти тысяч рублей в виде взятки через посредника Рахманову прокурору Хаитгюль Джепбаровой для освобождения сына.

А в т о р. Плакали их денежки. Считай, что сидят они теперь на пяти тысячах иголок...

Б а б а м у р а т. Верно. Представляю. Халима Джораевна с такой легкостью смогла «добыть» показания. Без нажима. Просто Рахманкуловы поверили, что дело принимает с самого начала бесповоротный ход.

А в т о р. Не всегда этому верят в наш век. И не оттого ли все наши беды? Я имею в виду несовершенство, вульгарный примитивизм методики следствий, дознаний, которая почти целиком построена на обмане, страхе, грубом давлении и физическом воздействии. Это подтверждает слабость, бесталанность, неспособность работников правоохранительных органов, полностью не соответствующих принципам построения в нашей стране правового государства. Посредственные люди или люди, севшие не в свои сани. Потом, знаешь, ни для кого не секрет, что обком партии — далеко, прокуратура — рядом. Работник обкома не сажает, с прокурором же шутки плохи. Он может и посадить, и освободить. Обком партии — для простого народа большой авторитет, но слишком любят там отфутболивать... От кого исходила мысль о даче взятки? Кто-то, наверное, им предложил, подтолкнул на столь рискованный шаг?

Б а б а м у р а т. Это Ашировы.

А в т о р. Они что? Признались, что подтолкнули, навели Рахманкуловых на мысль о взятке?

Б а б а м у р а т. Беседовали и с ними. И с Караевыми. Они будто сговорились, отказываются наотрез. Злятся: «Все это ложь. Клевета. Наговоры». Халима Джораевна пришла к выводу — проверку вести до конца следствия. Я, вернувшись из Креки, все это доложил прокурору области. Борис Леонидович Кадер через некоторое время снова пригласил меня в кабинет и сказал: «Езжай в Керки. Разберись. Если надо будет, возбуждай дело!»

На сей раз я сразу поставил в известность о цели своего приезда Джепбарову. Она словно взбесилась: «Я не брала ни копейки. Иди проверяй!» И я приступил к работе в одном из кабинетов райотдела милиции. На этот раз признались и Караевы, на которых тоже подействовали слова Халимы Джораевны. Они показали, у кого, когда заняли пять тысяч рублей. Нашлись и те, кто подтвердил время и сумму, данную в займы Караевым. Но Ашировы

не сдавались. И с заведующей канцелярией прокуратуры Рахмановой у нас тоже не получилось «разговора». Однако нить показаний не прервалась. Председатель Керкинского районного народного суда Назар Розиев подтвердил, что ему звонила прокурор Х. Джембарова: «Ты помоги этим ребятам. Если не поможешь, они завалят тебя жалобами». Она хотела напугать судью, но Розиев ответил, что будет действовать по закону.

А в т о р. Сколько дней пришлось потратить тебе, чтобы прояснить картину?

Б а б а м у р а т. Два дня. Возвратившись в Чарджоу и посоветовавшись с облпрокурором, я возбуждал уголовное дело и передал в следственный отдел.

А в т о р. Как видишь, сбылись мои предсказания. Еще раньше из некоторых достоверных источников просачивались слухи о получении взятки Джембаровой. Узнав, что в расследовании принимаешь участие и ты, помнишь, Бабамурат, я позвонил тебе, попросил зайти. Я тогда первым делом спросил: нужно ли твое участие? Ты подтвердил. Я не стал уточнять, чем грозило тебе это? Как товарища, быстро продвинувшегося по служебной лестнице, но недостаточно опытного в жизни и вообще в юриспруденции (эта быстрота могла оказать плохую услугу), я считал своим долгом предупредить: смотри в оба, не поддавайся никаким воздействиям — дело Джембаровой не из тех, которые легко приостановить.

Я был просто старшим товарищем. Уважал тебя, поэтому, не желая, чтобы ты, малоопытный, но честный парнишка, по мягкости характера не наломал дров, поспешил дать совет. Мои предостережения, конечно, строились на прямых фактах, имели под собой почву. Джембарова и ее муж были вхожи в круг твоих родственников, могли оказать влияние по неожиданным для тебя каналам — родственным.

К счастью, ты, Бабамурат, все понял.

Мой непринужденный совет был необходим еще и потому, что в то время мало кто верил в наказуемость людей, подобных Джембаровой. Даже опытные следователи, работники прокуратуры отмахивались. Решались держать пари. Ставили коньяки: ничего с ней не случится. У нее крепкие корни в Ашхабаде и в Москве. Работники следствия и прокуратуры говорили так неспроста. Их многолетний опыт свидетельствовал, что такие случаи попустительства и закрывания глаз на творимые беззакония не единичны, что раньше действительно было так. Но времена те бесповоротно ушли в прошлое. Я в своих доводах исходил лишь из быстрых перемен старого ритма жизни. Мои же оппоненты оставались при своих убеждениях.

Немного погодя некоторые из моих собеседников поехали в Достлук — к Солтанову, мужу Джембаровой, как в Мекку, на искупление грехов...

Б а б а м у р а т. Вы оказались правы.

ВТОРОЕ ИНТЕРВЬЮ

с Бекназаром Хайдаровым, старшим следователем по особо важным делам при прокуратуре области, юристом первого класса

— Бабамурат Назаров возбудил уголовное дело, но... не в отношении Джембаровой, а против взяточдателей. Я собирался уйти в отпуск, но прокурор области Борис Леонидович Кадер почему-то меня попросил заняться этим делом. То есть всего за три дня до отпуска. Изучив материалы, дела, выехал в Керки. Известил Джембарову о цели своего приезда. «Вам здесь делать нечего, работники облпрокуратуры бездельничают: приезжает-уезжает один, появляется второй, за ним — третий. Вам не хватает плети», — Джембарова не стеснялась в подборе выражений.

Первыми я допросил Караевых и Рахманкуловых. Они подтвердили данные ранее ими показания. Затем пригласил взяточдателей. Все собранные материалы до меня, таким образом, вторично перепроверил. Не оставалось и капли сомнения в том, что две семьи, по пять тысяч каждая, всего десять тысяч рублей, вручили Ашировым, чтобы те, в свою очередь, передали их через заведующую канцелярией межрайпрокуратуры прокурору Джембаровой. Но Ашировы клялись, плакали, утверждая обратное: не было этого. Возводят на них напраслину. Гнусная ложь. Ни одной копейки не брали, никому ничего не передавали...

Утверждение четверых — супругов Караевых и супругов Рахманкуловых: собрали эти деньги для спасения своих сыновей. Совпадение всех прочих имеющихся данных по материалам расследования не оказали никакого воздействия на Ашировых. Они прочно стояли на своем. Казалось, ничто не могло их поколебать, хотя очная ставка нанесла и по мужу и по жене Ашировым ощутимый психологический удар. В какой-то момент они стали допускать неточности, которые, как катящийся снежный ком с горы, все увеличивались, росли, превращаясь в отдельные промахи и ошибки. В результате — сбивались, терялись, путались в показаниях.

В конце я повторил им:

— То, что Караевы и Рахманкуловы дали вам десять тысяч рублей, не вызывает у меня никаких сомнений. Если вы не переадресовали эту сумму по назначению, значит — оставили ее у себя.

Ашировы парировали мои доводы контрфактами:

— Нас злостно оклеветали. Вся грязь исходит от Маметкулы Мамедова, заместителя прокурора. Джембарова и ее зам враждуют меж собой. А Караевы и Рахманкуловы дальние родственники Мамедова. Как тут не понять, что Маметкулы подговаривает своих сородичей, а они по его прямой указке и затеяли свару...

Я вдруг засомневался, будучи в курсе неприязненных, открыто враждебных отношений, сложившихся у Джембаровой с Мамедовым. Она возненавидела Мамедова, и Мамедов отвечал ей тем же. Однажды мне даже пришлось специально приезжать по сигналу и внести ясность в их накалившиеся взаимоотношения. «А что, если это организованная клевета, чтобы отомстить Джембаровой?» — подумал я. Ведь все трое похитителей невесты привлечены к суду. Наказаны. Если б Джембарова действительно получила те пятнадцать тысяч рублей от родителей, что бы ей стоило освободить ребят, добиться мягкого наказания? Однако сын Караевых продолжал сидеть до сих пор...

А в т о р. Перед выездом в Керки вы виделись с Розыбаевой. О чем говорили с ней, какой наказ она дала вам? В чем его суть?

Х а й д а р о в. Первый раз, когда Розыбаева сама ездила в Керки, я находился в Достлукском районе. На обратном пути случайно встретились и вместе выехали в Чарджоу. Тогда и зашел разговор о факте взятки, в котором фигурировала Джепбарова. «Хорошо было бы,— сказала Халима Джораевна,— если бы следствие вел ты. Попади это дело в нечистоплотные руки (она назвала фамилию одного моего коллеги), все пропало: он сдерет тридцать тысяч рублей, а взяточница останется невредимой». Мой приближающийся отъезд в отпуск Розыбаеву явно разочаровал. «Жаль»,— с сожалением произнесла она. Теперь я думаю, в моей командировке сюда есть ее содействие. Сердцем чую, что, несмотря на ограниченный срок, это дело не без вмешательства Розыбаевой было передано мне. Неспроста перед моим выездом она позвонила мне и напутствовала: «Бекназар, докажи еще раз, что ты ученик самого Хаиткулы Мовлямбердыева. В случае чего, ставь нас в известность. Соблюдай законность. Будь осторожен и объективен, как туркменский Мегрэ».

А в т о р. Вот как! А дальше?

Х а й д а р о в. Ее напутствие меня подтянуло. На месте я ознакомил супругов Ашировых со статьей 196 УК ТССР. Дал им прочесть. В случае принуждения дачи взятки взятокодателя, обратившиеся в соответствующие органы добровольно, освобождаются от уголовной ответственности. Еще раз напомнил ситуацию — им придется ответить на вопрос: куда делись десять тысяч рублей супругов Караевых и супругов Рахманкуловых? Думать, что они клеветают на Ашировых, нет оснований — между ними отсутствует вражда. «Так что пока не докопаемся до истины, от вас не отстанем. Идите, пожалуйста, домой, подумайте над этим. Завтра я уезжаю, но между 15.00 — 16.00 буду в Дашсарае». Этими словами я завершил разговор с Ашировым и попрощался.

На следующий день, ближе к назначенному времени, заехал в прокуратуру. Пока факт получения взятки Джепбаровой из-за отсутствия необходимых доказательств не подтверждался, о чем я и хотел в письменной форме поставить в известность пославших меня сюда.

Зашел в кабинет Джепбаровой. Ей не терпелось узнать о результатах следствия. Я не утаил:

— Пока топчемся на месте.

Она успокоилась.

Как только выехал со двора, неподалеку, за воротами Дашсарая, увидел Ашировых. Я вылез из машины. Они подошли и спросили:

— Вы хотите знать правду?

— Да.

— Вот вам — правда, получайте. Если вам удастся за нее постоять до конца...— Аширова подала мне вчетверо сложенную бумагу.

Мы вернулись в райотдел. Надо было официально оформить допрос, получить ответы на несколько неясных вопросов.

— ...постоять до конца! Как это понимать? — спросил у Ашировых, рассаживая их поудобнее в кабинете заместителя начальника отделения районной милиции.

— Это означает, что однажды Джепбарова вызвала меня и других взятокодателей и предупредила, что завтра приедут из Чарджоу Розыбаева и Назаров. И будто бы они звонили ей, сообщили о цели командировки,

что, мол, будут проверять жалобу и что мы должны опровергнуть факт взятки. «И Назаров и тем более Розыбаева не скажут вам «не признавайтесь». Ясно? Они оба — мои люди. Приедут, спросят и уедут. Поняли?»

И нам подумалось: Назаров и Розыбаева, так и есть — ее люди, раз предупредили заранее о своей командировке в Керки, о цели приезда. Все равно они нам не поверят. Останемся в дураках...

— О моем приезде она тоже сообщила вам? — задал я следующий вопрос.

— Нет. Наверное, вы не оповестили ее?

— Почему же тогда были не откровенны со мною?

— Не хотели еще раз остаться в дураках. В первый раз, когда мы шли к вам, она перехватила нас и заявила: «Этот следователь — сопляк. Соплячок! Я могу, не выходя из кабинета, оставить его без хлеба. Достаточно одного звоночка. Поняли? И вы сами тоже держите язык за зубами. В противном случае раздавлю, как спичечную коробочку, каждого из вас, поняли? Посажу обоих». Мы и поверили. А как нам было не верить ей. Она — прокурор района. А мы кто такие?!

— Тогда что? Начнем заново?..

Письменное показание Ашировой

В феврале 1987 года троих парней, участников похищения невесты, в том числе и нашего сына, привлекли к уголовной ответственности. В тот день, когда их начали допрашивать, мы с мужем были в Дашсарае. Там находились и Караевы, а также Рахманкуловы. Мы все думали, что, как окончится допрос, наших детей отпустят домой. Но ошиблись. Следователь Агагельдыев по настоянию прокурора задержал их в ИВС. Мы боялись, что их посадят вообще. Впервые мы имели дело со следствием.

Я и раньше знала Рахманкуловых и Караевых, но не так хорошо, чтобы быть с ними на короткой ноге. Так себе. В тот день они тоже были растеряны и подавлены. Уже стемнело. Тянуло холодом. Бил озноб. Поэтому я пригласила супругов Рахманкуловых и Караевых к себе домой. Примерно в 22 часа они пришли. Все мы были наслышаны, что Джембарова после назначения прокурором несколько месяцев проживала у своей заведующей канцелярией Хамранияз Рахмановой, знали и об их близких отношениях. Я посоветовала: «Может, к заведующей канцелярией обратимся, а?!» Гости поддержали меня и убедили переговорить с нею.

С Хамранияз я была знакома. Сходила к ней и попросила помочь нам. Она обещала завтра выяснить все у Джембаровой и результат сообщить к вечеру. Я вернулась домой и рассказала обо всем ожидавшим меня Караевым и Рахманкуловым. На следующий день, как было условлено, к вечеру, пошла опять к Х. Рахмановой. На этот раз Хамранияз сообщила, что настроение наших ребят на «пятерку» и, значит, с каждой семьи надо собрать по «пятерке». То есть по пять тысяч рублей. Я пришла домой и намекнула обоим супружеским четам: мол, нужно от каждой семьи (считай — за каждого парня) по пять тысяч прокурору — всего пятнадцать тысяч рублей. Все согласились. В назначенное время Караевы и Рахманкуловы принесли десять тысяч, я добавила пять тысяч рублей — долю за своего

сына — и отнесла домой зав канцелярией прокуратуры Рахмановой, вручив лично ей в руки всю сумму. Хамранияз взяла деньги и заверила, что к такому-то часу сыновья будут дома. И правда, в означенный час наш сын пришел домой. Вернулся и сын Рахманкуловых. Сын же Караевых почему-то не был освобожден. Возмущенный Караев-старший примчался к нам с претензией: «Я ведь тоже отдал пять тысяч рублей, так почему моего сына задерживают?!» Я ответила ему: «Деньги ваши отданы кому надо, идите требуйте у нее!» Он, Караев, пошел к завканцелярией Х. Рахмановой, а та переадресовала его к прокурору: деньги, пояснила она, у нее. Караев зашел к Джембаровой: «Я ведь тоже внес пять тысяч рублей, раз взяли, будьте добры освободить и моего парня!» Джембарова возразила ему, что Караев-младший — организатор преступления, посему его в данный момент придется задержать, но причины для беспокойства нет, сын будет освобожден на суде.

Однако Джембарова и на суде не сдержала своего слова. И вообще она не помогла нашим детям, всех их осудили. После процесса мы затребовали у нее или действительной помощи, или возвратить деньги, ну хоть половину, ну хоть четверть... Прокурорша отделалась отговорками, что поможет через облсуд, но деньги так и не возвратила...

Из дневника Халимы

«Натянутые отношения с руководством стали поводом для моего ухода из областной прокуратуры. Я не могла пойти на уступки, против совести...»

ТРЕТЬЕ ИНТЕРВЬЮ

Я никогда не предполагал, что этот человек, у которого брал интервью, мог ненавидеть Халиму. Нет, слово «ненависть» он не произносил. Возможно, даже не знал, что питал к ней чувство неприязни. Он был, по его же словам, не близок к ней. При встрече просто кивали друг другу. И когда на свадьбах или на совещаниях места оказывались рядом, их диалог ограничивался лишь ничего не значащими фразами: «Как здоровье?» — «Да не жалуюсь».

А в т о р. Может, нечаянно, где-то, когда-то, вскользь говорили о ней плохо?

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Клянусь хлебом, никогда, нигде не обмолвился ни словом. Ни хорошим, ни плохим. Впервые в жизни завел разговор о ней только с вами. Впервые. Я давно усвоил и зарубил себе на носу — ни о ком не высказываться вслух. А то как получается — проронишь одно слово, тут же найдутся доносчики, которые из него испекут тысячу небылиц.

Впервые нарушаю давний обет, а все потому, что перед вашей писательской просьбой не мог устоять. Вы должны мне дать слово писателя, что оставите нашу беседу в тайне, между нами. И еще одно неременное условие — во время интервью не спорить, не высказывать свою точку зрения. Я сам сторонник однажды сложившегося мнения и на чужое стараюсь никогда не оказывать давления.

А в т о р. Считайте, что условие принято. Значит, между вами и Халимой Джораевной ни разу не пробежала черная кошка, верно?

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Не только между нами, между нашими отцами, дедами, прадедами не было и быть не могло размолвки. Клянусь хлебом. Я считаю Халиму обиженной, обойденной природой. В отношении наружности, красоты. Зато ума ей было дано вдвойне. Красота — не такая уж большая потеря только в том случае, если у тебя избыток человечности. Ум и человечность не одно и то же. Ей именно не хватает последнего. Посему так ярко выделяется ее некрасивая наружность. Человечность многогранна, я говорю об одной не принятой и не понятой мной грани ее, Халимы, характера — она режет правду в глаза. И хорошее, и плохое — все в глаза. Конечно, более-менее терпимо, когда слепого обзывают слепым, рябого — рябым. А попробуй скажи проститутке — проститутка, вору — вор...

А Халима запросто может сказать. Ее голая прямота — это следствие той самой обойденности, о чем я уже говорил. Почему-то мне кажется, что она свою обиду, затаенную против природы, вымещает на людях. Убей, если знаю, умышленно или неосознанно она поступает так. Хотя, в принципе, это не имеет большого значения.

А в т о р. Говорят же туркмены: у правдоискателя нет друга.

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Не все зеркальца одинаково отражают человека. Плохое хочется ударить о землю, разбить вдребезги. Зеркальце-то можно разбить, заменить другим. Не смотреть, наконец, если оно искажает, портит настроение. А у людей... людей остается избегать. Хорониться подальше. Обходить стороной.

А в т о р. Как по-вашему, кто необходим в первую очередь нашему времени: такие, как мы с вами, или такие, как Халима?

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Если вы, говоря о нашем времени, имеете в виду перестройку, то по логике вещей до зарезу нужны такие, как Халима, а для приятной, размеренной, спокойной жизни — мы.

Приветственная телеграмма

Уважаемая Халима, поздравляем Вас с наступающим праздником Октября. Мы горды тем, что знакомы с Вами, будучи жителями города Чарджоу, мы узнали Вас близко. Вы неподкупный работник прокуратуры и преданный товарищ.

Масленникова¹

Красноводск

Из беседы

с Бекназаром Хайдаровым, старшим следователем при прокуратуре области, юристом первого класса

— Решил допросить Хамранияз Рахманову, заведующую канцелярией Керкинской межрайонной прокуратуры, вызвав ее в Чарджоу. Сразу,

¹ Жена бывшего прокурора Чарджоуской области.

вернувшись из Керки, коротко обо всем доложил Кадеру. Вечером с Хаиткулы-ага зашли домой к Халиме Джораевне. Она, услышав наш разговор на лестничной площадке, открыла дверь. «Кого не узнаю по голосу, тому вечером не отворяю», — призналась нам. Хаиткулы-ага попросил теперь быть особенно осторожной, даже к голосам знакомых. Розыбаева как-то застенчиво-грустно улыбнулась и показала на «глазок»:

— Если голос кажется сомнительным, то всматриваюсь через эту видео-систему. Что поделаешь, трудно ходить по улице, оглядываясь по сторонам, спать по ночам прислушиваясь... Одному-то, каким бы он машиной ни был, не поддамся. Разве только из-за угла или удар в спину... Спасибо Хаиткулы-ага, он почти каждый божий день между девятью — одиннадцатью вечера непременно заглянет. Иногда жена его — Марал-гелнедже¹ позвонит. Тогда я узнаю, что Мегрэ нет дома. Солмазджан радуется. Обязательно найдет какой-нибудь повод. Вот вчера звонит мне и говорит: «Заходите, тетя Халима, у Мегрэ «Дети Арбата» есть, с автографом автора. Возьмите почитать». Я-то знаю, что книга служит лишь поводом для приглашения.

Хозяйка уютной квартиры старается улыбаться, казаться веселой, чтобы успокоить нас, своих друзей. Хаиткулы-ага тоже пытается скрыть от нее и меня тягостные мысли, но это плохо получается, почти не удается. И улыбки ее не те, и чистый звонкий смех его не тот. Нет, отсутствует у обоих внутренняя сосредоточенность, уверенность в себе. Видно, где-то посередине у обоих надломился душевный стержень. Поэтому и стремятся всеми силами воспрянуть духом. Попытка их не выглядит неестественной. Искусственность одинаково противна и ей и ему.

Халима Джораевна предложила нам кофе. Но Хаиткулы-ага попросил чаю, зеленого, девяносто пятого. Хозяйка смущенно оправдывалась:

— Я бы сама... но, ребята, приличных сладостей к чаю у меня нет.

Пока чайник закипал, она показала нам недавно приобретенные книги. Поинтересовалась, читали ли мы что-либо из новинок. На ее вопрос Хаиткулы-ага огорчительно-беспомощно улыбнулся. Он поднял правую руку и, выпятив пальцы, приблизил ладонь к глазам Халимы. Три пальца, которым больше всего достается от много пишущего человека, почернели от мозолей.

— Но могу похвастаться в одном — ни строчки Ваксберга, Гамаюнова, Щекочихина, Борова из «Литературки» не пропускаю. Убедился: продлись застой еще лет на пять, мы оказались бы в пропасти. Точно, правоохранительные органы загнали бы туда, это нам доподлинно известно. Гниение происходило на наших глазах. Единственное, что мы сумели, — это не участвовать в процессе разложения, дискредитации органов. Боролись как могли, твердо зная о бесполезности нашего бунтарства.

Вот вам один лишь факт.

Имя Худайберена Солтанова в Чарджоу никому ничего не говорило. Он тогда был инспектором БХСС. Талхат Хасьянов работал с ним. За короткое время я много наслышался о крутом нраве Солтанова. Когда же мне в отдел потребовались новые сотрудники, то пригласил к себе

¹ Тетушка.

Талхата Хасьянова. Он тут же согласился. И сразу объяснил причину быстрого согласия. Оказалось, однажды он и Худайберен Солтанов пришли в какой-то магазин на проверку — то ли по жалобе, то ли на плановую, подробностей уже не помню. Пришли, рассказывает Талхат, а завмаг вертится перед ними как волчок. То предлагает чай, то еще что-то, все обхаживал их, пытаясь угодить. Три дня продолжалось так.

«На четвертый день,— говорит Талхат,— завмага будто подменили. Меня он не приветствовал, как раньше, заискивая, а просто кивнул головой. Его оптимистическое настроение трудно было чем-либо объяснить. Что же могло произойти всего лишь за сутки?»

Гадать ему долго не пришлось. Его коллега Солтанов, почуяв подозрительность Талхата, предложил ему сделку. Начал виртуозно, издалека: «Слушай, брат, со временем тебе и мне нужны будут деньги. Для содержания семьи. Ну чтобы не жаться в железобетонной «хрущевке», ну чтобы одеть жену и детей, как все нормальные люди. Деньги сами плывут к нам в руки. И не из мозолистых рук. У торговцев денег — куры не клюют! И богу будет угодно, если мы их карманы немного облегчим. Бог, говорят, дает один лишь раз».

Разъяренный Талхат притащил Солтанова к секретарю парторганизации. Я сам участвовал в рассмотрении персонального дела Худайберена, предложив исключить его из рядов КПСС и уволить из правоохранительных органов. Предложение было поддержано, правда, немногими. Сам Солтанов вскоре исчез. Года через три опять откуда-то вынырнул, уже с погонами старшего лейтенанта. Да с такой чистой, безупречной характеристикой, что я невольно подумал: «А что, человек, возможно, исправился. Сделал соответствующие выводы. Нашел в себе силы. Ну и молодец. Хорошо, что тогда меня не все поддержали,— сделал я себе внушение,— а то зазря пропал бы талантливый кадр».

В комнате у Халимы было прохладно. Бесшумно работал кондиционер на закрытой веранде, но все равно сохло во рту. Хотелось пить. Очень кстати пришелся чай, заваренный каждому гостю в отдельном чайнике. И неожиданно в центре внимания оказался я.

— Хамранияз Рахманову вызвали на завтра, да, Бекназар? — обратилась ко мне Халима Джораевна. Очевидно, она хотела показать этим свою осведомленность.

Я кивнул.

— Она сделает все, чтобы открутиться. Потому что у нее опытные учителя. И много повидавшие, на все способные. Ты это учти, Бекназар. А что, если она не признается? — спросила Халима, сняв очки и салфеткой протерев стекла.

— Тогда придется ее задержать.

— Задержать следует ее в любом случае... Положение Рахмановой не из легких. Как в песне поется: «Если скажу — убьют, если не скажу — подохну сам». Подумай, Бекназар, и об остальном. Но я должна тебя предупредить — никаких звонков к ней. Не дай бог, пальцем дотронуться до Хамранияз. И так столько разных слухов о пытках доходит до нас!.. Смотри, Бекназар, тогда пеняй на себя. До этих самочинных методов дознания все никак руки не доходят. Но доберемся и до них. Смотри сам лично...

Недозволенные методы дознания... К несчастью, упреки Халимы имели основание... Давно пора навести порядок...

Ее предупреждение заставило меня призадуматься.

Хамранияз Рахманова, как я и предполагал, не призналась в своем соучастии в преступлении. Заявила, что ни одной копейки не брала и никому ничего не передавала. Все это чушь, клевета и так далее. Тогда я выложил перед нею показания, написанные свидетелями взяточдателями. Она прочла их.

— Хамранияз-апа, мне приходилось бывать у вас, сидеть за дастарханом. Поверьте, я желаю вам только добра. У вас дети. Если вы те пятнадцать тысяч рублей никому не передавали, значит, вы их оставили себе. Понимаете? Почему вы взваливаете всю вину на себя? Вас привлекут, как... как привлекут, не мне вам объяснять. Столько лет работаете в прокуратуре.

Потом я напомнил Хамранияз, что в этом деле ждать от кого-то помощи — гиблое дело.

Не помогло.

Я уже убедился, как настойчиво поработали с нею «учителя». «Ни слова. Язык держи за зубами. В противном случае...» Эти слова я читал — они были написаны в ее взгляде. Но сама Хамранияз еще находилась под гипнозом. Она была спокойна.

Пришлось отбросить деликатность:

— Вы пропадете. Вами жертвуют. Когда очнетесь, будет поздно. Еще раз напомню: ждать от кого-либо помощи — заблуждение. Не от кого. Помочь себе можете вы сами. Признанием правды. Я уверен, убежден, вы не смогли присвоить пятнадцать тысяч. И зная это, не могу оставаться посторонним наблюдателем. Не могу спокойно взирать, как вы на себя надеваете петлю. Если завтра ваши дети, увидев меня, спросят: «Она ведь простая женщина, как вы не сумели ее убедить? Вы же профессионал — убеждать ваша обязанность. Как же вы после этого ходите, не боясь, что однажды земля провалится под вашими ногами? Вы же, Бекназар-ага, когда-то считались учеником Хаиткулы Мовлямбердыева, как вас теперь величать?»

Что я отвечу? Скажу, что старался, но ваша мать сама ничего не желает понять и изменить в лучшую сторону?

Вы будете отбывать срок, а взяточники насмехаться над нами, над вами, над истиной...

Я вас знаю. Не могу не повторяться. Я уеду не со спокойной совестью, но все же могу оправдаться перед другими. Я ведь действительно старался добиться от вас правды. Вы не поддаетесь. Вас одурачили... Вашим доброжелателям не останется ничего другого, как сказать: «Пусть пеняет на себя. Сама хотела того, что получила». И они будут правы. В каком-то смысле.

Не помогло.

Под конец спросил:

— Они вас подвезли?

— Да.

— Обещали и обратно увезти?

— Да.

— А вы спросили, что делать, если мы задержим вас?
— Да.
— Каков был ответ?
— Сказали, что не посмеют.
— Вот и посмеем. Для вашего же благополучия,— заключил я нашу беседу.— Мне тоже еще жить да жить, и не хочу ходить по земле, пряча глаза, не хочу топить невинного.

Написав постановление, выпроводил Рахманову в ИВС.

Вечером того же дня я посетил Рахманову. Предупредил работников, чтобы не возникало нежелательных конфликтов, чтобы относились к ней вежливо, ни в чем не ущемляли. А ей, Хамранияз-апа, если, конечно, она скажет, кому отдала те 15 тысяч рублей, гарантировал освобождение, так как по статье, по которой ее должны были привлечь к уголовной ответственности, Рахманова попадала под амнистию.

В воскресенье позвонили из ИВС. Меня требовала задержанная. Хамранияз-апа вцепилась в мои руки и, глядя их, запричитала:

— Бекназар-джан, меня напугали... издевались... У них всесильная рука... есть свои люди в верхах... Я это узнала... когда она жила у меня... Ты меня убедил... Я готова дать показания...

Я допросил ее в специальном кабинете. Записал на видеопленку. На следующий день для очной ставки вызвал из Керки Джепбарову.

Она шла по коридору как в былые времена, когда работала здесь, высоко держа голову, шпильками гвоздя шаткие полы облпрокуратуры, выпятив широкую грудь. И вошла в мой кабинет, как бы делая одолжение. Не торопясь, с достоинством села на стул. Ни волнения, ни какой-то напряженности и скованности я не заметил. Или она была чересчур уверена в себе, или мастерски владела собой, скрывала свое состояние от чужих глаз. Закинув ногу на ногу, глядя совершенно в другую сторону, Джепбарова сразу же стала бросать камни в мой огород:

— Что вы натворили с Хамранияз? Ее не узнать, лицо без кровинки, будто семь лет пролежала в больнице. Что вы наделали с нею? — Затем с неподдельной горечью и болью обратилась к Хамранияз Рахмановой:— Это бывший милиционер, привыкший к незаконному глумлению над жертвами. У, беззаконники! Костоломы! Если тебя кто-нибудь обидел, хоть пальцем тронул — скажи, я на них найду управу. Посмотришь, как их вздернут вверх ногами. Только скажи!

Рахманова подняла голову — на ней лица не было. Она то белела, то краснела, то все оттенки перемешивались: чувствовалось, что внутри нее шла борьба — смятение противостояло гордости и достоинству, не уступая своих позиций. В конце концов она посмотрела на меня, наклонясь в мою сторону, словно ища поддержки и заступничества.

Я принял официальный вид и потребовал от Джепбаровой соблюдения приличий. Просил ее не забывать, где и в качестве кого она находится здесь в данный момент. Хаитгюль презрительно скривила губы. Таков был ее ответ.

Кажется, до нее дошел смысл сказанного мною или она не хотела, чтобы предупреждение повторилось, но больше не перебивала, не кривлялась, до конца слушала меня о причинах и доводах очной ставки.

Она ожила, когда стала говорить Хамранияз. Рахманова обличала ее, а Джембарова будто отгоняла мух, размахивая руками:

— Что ты, Хамранияз, что лепечешь?.. Это не твои слова... Они тебя напугали... Это ты их слова повторяешь. Приди в себя, Хамранияз. Ой, что они наделали с тобой?

Очерняя нас самыми неприличными словами, районный прокурор между тем давала знать Рахмановой, что пугаться нас нечего, что она очень скоро даст всем по зубам, найдет на нас управу. Главное, не терять надежды, — всем своим невозмутимым видом убеждала она Хамранияз. И украдкой пальцем показывала на кончик высунутого языка — молчи, и все будет в порядке! За двадцать восемь лет Джембарова многих таких, вроде нас, якобы ставила на место. Она хотела своим славословием оглушить Рахманову, тараторила впопад и невпопад — то тихо, под нос, то внушительно громко, прокурорским голосом.

— Давно прошли те годы, когда могли запугиванием добиться признания, — твердила Хаитгюль.

Надо признаться, временами ей удавалось как бы заново загипнотизировать свою жертву, заставить Хамранияз замолчать, призадуматься.

Мое предупреждение, как просроченная таблетка, не оказывало почти никакого действия на райпрокурора. Сейчас она просто не могла совладать с собою. Мне по-человечески стало вдруг ее жаль. Кем была, какой станет? Неплохой работник. Гордая! Знающая себе цену. Старалась не портить репутацию. Растила детей в том же духе. В семье есть студент вуза. Сына пора женить, дочерей выдавать замуж. И вот в момент, когда она, может, больше всего им нужна, Джембарова так «прокололась», почти себя угробила. Жаль. Каждый раз, когда отрываюсь от дела, ухожу в свои мысли, вспоминаю слова Хаиткулы-ага: «Все бери под сомнение. Пусть сомнение не покинет тебя даже после суда: а не больше ли, чем положено, он, осужденный, получил? И еще. Если ты берешься за дело, будучи твердо уверен в его исходе, тогда считай это уже не следствием, а подтверждением твоих убеждений».

Наверное, поэтому я не особо усердствовал, чтобы вмешаться, перебить тираду Джембаровой, робкие ответные вспышки Рахмановой. Пусть говорят друг другу что угодно. Зернышко истины часто отыскивается и в шелухе.

Весы правды заколебались.

Хамранияз всегда мешала природная стеснительность, сменявшаяся робостью перед начальством. Порядочность, стремление принести себя в жертву ради кажущегося благополучия, принять, взять весь удар на себя в данной ситуации тоже ослабляли ее позицию. Но упорная бездушная стена, бесстыдная наглость Неправды, чудовищное нахальство Лжи, кажется, начали щекотать ее нервы, пробуждать в ней чувство собственного достоинства и справедливости.

Рахманова, словно стряхнув с себя сонное оцепенение, уже не отнекивалась, не мямлила, не дрожала, а убедительно рассказывала, как райпрокурор Джембарова определила сумму взятки, где и когда преподнесла ей 15 тысяч рублей. Исповедалась Хамранияз без утайки, без оглядки, глядя мне прямо в глаза. Но я видел, с каким трудом давались ей эти горькие раскаяние и признание. Чего нельзя было сказать о райпрокуроре.

Не знала Джепбарова жалостливой струнки. Возможно, не было и души. Она без двух годиков тридцать лет как у власти — большой человек! За эти годы не счесть семинаров-совещаний, на которых она побывала в разных городах, на разных уровнях. А сколько знакомых заимела, скольких начальников республиканского, союзного масштаба приходилось ей встречать, принимать у себя, сопровождать по области, провожать, оказывать им большие и малые услуги?! Теперь многие из них продвинулись по службе, получив повышение, встали у руководящего руля. Механизм дружбы, взаимной выручки должен был сработать и на этот раз, прийти в движение, если, конечно, никто и ничто не помешает...

А кто такая Хамранияз?

Ее навряд ли отличишь, выделишь среди женщин. Ничем не примечательная, обычная, простая и по одежде, и по манерам держаться, вести себя. Не все на улице, где она проживает, даже знают ее, замкнутого, скромного технического работника.

А кто такая Джепбарова?

В области мало таких, кто бы не слышал о ней. Среди республиканских юристов — заметная личность. Ее чин работника юстиции соответствует званию полковника. И в Ашхабаде, и в Москве рады были при встрече поцеловать ей руку.

Кто пострадал бы после ухода Хамранияз?

Двое ее парней. И место зав канцелярией райпрокуратуры опустело бы ну, скажем, на срок не больше недели.

А кто пострадал бы после ухода Джепбаровой?

Пятеро детей. И должность райпрокурора могла бы быть незанятой несколько месяцев. Стало бы меньше на одного опытного работника, прокурора республиканского значения. Командированные начальники из вышестоящих инстанций потеряли бы в лице Хаитгюль щедрого, общительного сопровождающего и провожающего.

Как видите, в любом случае уход последней будет ощутимей. Предположим, Рахманову и Джепбарову пригласили на свадьбу. Где бы оказались их места? Хамранияз попросили бы помочь обслуживать гостей, а Хаитгюль усадили бы на почетное место за столом. Или предоставить им обоим возможность выступить, допустим, с одной трибуны. Кого наградили бы аплодисментами? Чьему выступлению поверили бы больше? Конечно, Джепбаровой.

Нет, не Хаитгюль возвела в абсолют житейский принцип: «Каждый сверчок знай свой шесток», отвела каждому место по чину, а почести — по должности. Такой распорядок существовал и до ее появления на этот свет. Она одна из продолжателей непреложного правила. Сторонница раз и навсегда принятых субординации и иерархии, обособленности и неприкасаемости высшего эшелона, противница нарушений, изменений в закоренелой, старой, но устойчивой пока еще системе сложившихся людских отношений. Джепбарова одна из тех, которым кажется, что малейшее вторжение в привилегии круга избранных привело бы к концу света. Таких, как она, тысячи. Может, десятки, сотни тысяч. И система круговой поруки.

А в т о р. Вы даже немного снизили общественную значимость подобного поступка и того небывалого резонанса, который бы он получил, если

бы... Джембарова не из-за денег, а просто по-человечески, по-матерински делала то, на что отважилась ради трех парней. О ней долго бы еще разносилась благодарная молва, если б даже она вышла на пенсию, ушла из жизни... Простые люди никогда не забывают доброты. Говорили бы как о героическом поступке, как о небывалой доброте души. Правда, и сейчас будут говорить, но иначе...

Х а й д а р о в. Верно. Прокуратура ведет следствие. Передает дело в суд. На суде поддерживают обвинение. Ошибки в следствии можно исправить на судебном процессе и после суда. К сожалению, это редкое явление, пожалуй, исключение, чтобы прокуратура признала свои ошибки и исправляла их на суде. Обычно стараются закрепить, довести до утвержденных законом статей.

Очная ставка хоть и дала кое-что следствию, но, надо честно признаться, Джембарова не «раскололась». Она со слепым неистовством продолжала твердить, что лжесвидетели организованы прокуратурой, ее врагами. Ничем не брезговала. Все эти приемы привычны для нас. Джембарова, пользуясь тем, что я занят оформлением протокола очной ставки, обрабатывала Рахманову:

— Держись, Хамранияз, хотя бы еще денек. Послезавтра утром добьюсь твоего освобождения. Сама приеду за тобой. Ты только не поддавайся, держись, поняла?!

Вначале я подумал, может, все-таки в ней проснулось чувство сострадания. Подходя к Хамранияз, она гладила ей плечи, вытирала лицо, подавала пить.

По логике вещей, принимая во внимание показания и обвинения, выдвинутые Рахмановой против нее, Джембарова не должна была оказывать подобные услуги жертве, тем более — непослушной, нарушившей данное слово, не удержавшей язык за зубами. За это следовало бы облить отступницу кипятком, вцепиться и разодрать ногтями лицо, вырвать ей волосы. Хамранияз дала показания. Совсем не те, которые, по уговору с Хаитгюль, должна была дать. Перед ее глазами она обличала, срывала маску лжи.

Почему же Джембарова мурлычет как кошка? Все показания Рахмановой и подписанный ею протокол райпрокурор валит на следователя, делая вид, что не винит в этом Хамранияз. «Они тебя заставили, это не твои слова, — произнесла она. — Зачем? За что?»

Может, райпрокурор в эти минуты вспомнила, как сидящая перед ней женщина, ее бывшая завканцелярией, в течение нескольких месяцев давала ей приют, кормила, стирала ее многочисленные платья?

Может, Хаитгюль понимала, что Рахманова под натиском обрушившихся бед не сможет устоять перед опытными следователями и далеко не райскими условиями в ИВС, что все же она простодушная, бесхитростная, слабохарактерная женщина и потому призналась не от сладкой жизни, не по своей воле. (Может, Джембарова все эти обстоятельства учла?!)

Ясное дело: факт взятки налицо и без ее признания. Разве это не доказано показаниями свидетелей — взяткодателей Караевых, Рахманкуловых, Ашировых, негодовавших у Рахмановой по поводу того, что сыновьям не дали обещанной свободы? Разве не Хамранияз, сказав им: «Все ваши деньги мною переданы Джембаровой — зайдите к ней, от нее

и требуйте!» — направила их в кабинет райпрокурора? И наконец, разве не Джепбарова обещала им содействие через областной суд?!

Сколько бы я ни распускал, то удлинняя, то укорачивая, цепочку раздумий, все-таки добраться до истинной дальнбойной цели Джепбаровой не удалось. Это я понял потом.

На следующее утро истекал трехдневный срок задержания Рахмановой в ИВС. На очной ставке она во всем призналась. Теперь не было необходимости держать ее здесь. Пусть сидит дома. Но почему-то мне не хотелось отпускать Хамранияз. И это инстинктивное чувство не было беспричинным. Рахманова в тот раз, когда, по ее же требованию, должны были ее повезти на допрос, бросилась под колеса машины. По счастливой случайности осталась невредимой.

Прокурор области Кадер не принял всерьез этот случай.

— Отпускай. Ты что, не читаешь прессы? — обрушился он на меня.

Конечно, я имел право не согласиться с его мнением. Но не устоял под нажимом начальственного авторитета, таким образом перечеркнув всю школьную программу Хаиткулы Мовлямбердыева, всю преподанную им науку.

«Нет, Борис Леонидович, я считаю по-иному — случай с Рахмановой дает мне полное основание, ради нее же, держать ее здесь», — должен был я настоять на своем. Пусть бы ее отпустили из-под стражи под ответственность Кадера. Не настоял. Просто высказал, что я думаю на этот счет. Уступил начальнику. Значит, плохо усвоил я уроки Мавлямбердыева.

Хамранияз Рахманова бросилась под колеса, не владея собой, после первых необдуманных мыслей. Пусть будет так, но теперь, освободившись, она вернется в Керки и в чьи руки попадет? Что ждет ее там? Разве не меня предупреждала Халима Джораевна? Сказать, что я не думал об этом, было бы неправдой. Думал. Но не смог постоять за Рахманову.

Знали бы, как вскочил с места Хаиткулы-ага, когда я ему поведал про все. Думал, что ударит. Я даже не отпрянул, не отшатнулся, поставив щеку, но удара не последовало. Лишь услышал, как у него заскрежетали зубы. Целую неделю он не здоровался со мной.

Рахманову освободили. Но перед этим я побеседовал с нею. Опять не преминул напомнить, что статья, по которой она будет привлечена, подпадает под амнистию. В случае шантажа, угроз, нажима со стороны небезызвестных нам лиц попросил немедленно сообщить.

На этом и расстались.

Увезла ее, как и обещала, Джепбарова сама лично, на «Жигулях» своего брата, капитана милиции.

Вскоре во все инстанции посыпались жалобы, подписанные Рахмановой, будто бы в течение трех суток в отношении ее в ИВС были применены меры физического воздействия, показания добыты недозволенными методами...

Допросили всех работников ИВС: жалоба не подтвердилась.

А Джепбарова, как и прежде, незыблемо восседала на райпрокурорском месте, чувствуя себя чуть ли не победителем. Ну как тут Рахмановой не поверить было словам Джепбаровой?!

Во время очной ставки та просила свою жертву продержаться всего один денек. «Я добьюсь твоего освобождения, чего бы мне это ни стоило!» — клятвенно заверила она тогда Хамранияз. И вышло на самом деле так, как она обещала.

В означенный день мы ее освободили? Да.

Она обещала лично приехать за Хамранияз и забрать ее? Обещала. Сдержала слово? Сдержала.

Подумайте, как после всего этого Рахмановой не верить Джепбаровой? Как не поверить, что Хаитгюль всесильна, что есть у нее и в Чарджоу, и в Ашхабаде, и в Москве свои люди, могущественные, всесильные дяди, что ей стоит только звякнуть им?.. Как тут Рахмановой отказаться строчить жалобы под ее диктовку? Да она пикнуть не посмеет!..

В тот день я передал материалы дела следователю прокуратуры республики по особо важным делам Чарылы Эсенову и стал готовиться к отъезду.

Вернулся я обратно через десять дней. Приехать-то приехал, но сообщения о событиях, таинственно происходивших в городе Керки, на улице Аэропортовской, в доме под номером 11, квартире № 3, камнепадом обрушились на меня...

Из дневника Халимы

«Главное: мне надо быть еще жестче к себе. Не нервничать, быть собранней».

4 ИЮЛЯ 1987 ГОДА

Розыбаевой осталось жить 52 дня, Рахмановой — 1 день.

Халима в Чарджоу, миновав 374-й квартал и кинотеатр «Туркменистан», шла на службу. Хамранияз, сидя на топчане, завтракала с детьми во дворике в Керки.

А на пристани в Керкичи, городке на правом берегу Амударьи, с трапа пассажирской моторки (так называют в просторечии речной пароходик, совершающий несколько рейсов в день между правым и левым берегами реки и перевозящий керкинцев и керкичинцев) первым сошел на берег среднего роста, плотный, упитанный, с набрякшими мешками под узкими масляными глазами человек в белой, с короткими рукавами сорочке. Остановился, заметив в толпе черного как смола знакомого пассажира с кожаной папкой под мышкой.

Обладатель папки был не выше сошедшего и, пожалуй, тоже не мог бы посетовать на свой легкий вес. Впереди идущего, а теперь поджидающего кого-то внизу он увидел издалика, но, лишь спускаясь по трапу, перед тем как спрыгнуть на землю, поднял на первого глаза и, соскочив со ступеньки, убыстряя шаги, наклоняясь, скорее по привычке, с протянутыми руками подскочил к узкоглазому человеку, долго ждал ему руку, тряс ее:

— Очень рад... очень рад... Как мы не встретились на палубе? Безмерно рад вам, Худайберен-ага.

У того, как черный суetyщийся человек с кожаным портфелем под мышкой назвал Худайбереном-ага, глаза еще больше сузились, а мясистые подглазники покрылись сеткой морщин, как у спелого вахармана¹. Скулы, обтянутые лоснящейся кожей, заблестели как от сливочного масла, тонкие губы зашевелились:

— Хорошо, что встретились. Хотел тебе звонить. Заходи, попьем чаю.

— А как же, с удовольствием. Непременно зайду. К такому человеку... непременно... сочту за благо... Только скажите когда.— Суетливый весь будто высветился изнутри. От предвкушения удовольствия не замечал, как плечи возбужденно вздрагивали, а ноги легко несли его от пристани. Улыбка, как дальний огонек, то вспыхивала, то гасла на его высохших губах...

Худайберен Солтанов, полковник милиции, с недавних пор занимавший пост участкового инспектора Достлукского поселка, в условленный час радужно встретил младшего помощника юстиции у входа своего особняка.

Хозяин дома предстал перед заискивающим гостем в новой полосатой пижаме, шаркая домашними тапочками.

Кто же он? Обыкновенный жулик, рожденный эпохой застоя. Все, к чему он стремился в жизни, добывалось застольем, щедрым гостеприимством, по принципу «я — тебе, ты — мне». Невежда безграмотный получал чины и должности без опоздания, ежели не досрочно. Продлись застойное время, мог бы получить генеральское звание, стать министром.

Он был предан своему времени, своей тепличной среде, откуда Худайберен родом. Без них не могло быть его. Должностного апогея Солтанов достиг в Марыйской области.

В Чарджоу его недооценили. Полковник приехал сюда на должность капитана. Если бы остался там, в Мары, если бы его жену Хаитгюль Джепбарову не назначили прокурором Керкинского района, если бы — и это главное — 9 февраля двое парней, помогая другу Караеву, не увезли девушку, рядовой застойщик с должности участкового инспектора, возможно, ушел бы на пенсию.

Если бы жена-прокурорша не польстилась на взятку... рядовой застойщик превратился бы в нерядового преступника. Не имело никакого значения, что из Джепбаровой не вышло настоящего прокурора. Она даже не достигла уровня хорошей домохозяйки.

...Посудачив о погоде, новостях, хозяин будто нечаянно, непреднамеренно, мастерски связав конец беседы с началом сплетни о взятках супруги, вдруг обронил:

— Все беды исходят от тебя. Главный враг нашей семьи — ты! Младший советник юстиции замер с костью во рту.

Полковник, не вставая, нагнулся, вытащил заранее припрятанную под топчан двустволку.

— Слазь с топчана! — приказал он, коснувшись дулом покрывшегося мгновенной испариной лба гостя.

Гость слез. Скорее всего, опустился.

— А теперь вперед, по-пластунски! — скомандовал полковник милиции,

¹ Сорт дынь.

приставив дуло к затылку младшего советника юстиции.— Вперед, марш! Смотри, патроны с картечью, не медли и не зли. Ты меня знаешь.

Младший советник юстиции лег и пополз.

Двор сейчас казался ему шире, чем прежде.

А сама прокурорша, согласно сценарию, перед тем как муж окриком сдернул гостя с топчана, встала и ушла в кухню под предлогом заварить чай. Теперь же через окно, тихо смеясь и иногда ударяя ладонью о ладонь от удовольствия, смотрела на происходящее во дворе. Ее злейший враг, тяжело виляя задницей, двигался по-пластунски среди мусора на земле. Когда гость пополз по третьему кругу, Хаитгюль вышла с заварным чайником и, нарочито изумляясь и недопонимая, что это, мол, такое происходит — то ли по правде, то ли в шутку,— свободной рукой схватила мужа за локоть:

— Вот мужички, а... напиваются, как... а потом творят бог знает что. Хватит, Худайберен, кончай шутить! — вырвала из его рук двустволку и нарочно громко закричала на супруга:— Иди налей гостю воды, пусть умоется, а потом приглашай к столу — я заварила крепкий чай... Ты же серьезный человек, полковник! Где же святой закон гостеприимства? Ты пикнуть не должен, хоть бы гость колотил тебя по голове молотком. Мой коллега молод, горяч... шуток не понимает... Знать надо, Худайберен!..

Младший советник юстиции поднялся, кряхтя словно старик, отряхнулся и, горько улыбнувшись, начал жалостливо объяснять Хаитгюль, с чего началась «шутка».

— Я тоже сперва думал, что Худайберен-ага шутит, Гуля-дайза¹. (Гуля — так звали Джеббарову в той среде, где она вращалась.) Откуда я предполагал, что та-ак...— Гость осекся, увидев, как Солтанов, сидя на топчане, заворачивал в газетный кулек стаканчики, из которых пили водку. Язык у младшего советника юстиции уже не поворачивался. Человеку с юридическим образованием не трудно было догадаться, что затевал хозяин дома.

Угостив гостя крепким горячим чаем, его выпроводили.

Он ушел без обиды, выдавив напоследок что-то наподобие улыбки, обескураженно кивая головой и не раз протягивая руку для прощания.

Когда простыл его след, Худайберен спросил у сияющей от радости жены:

— Чему радуешься? Как ты думаешь, пожалуется?

Райпрокурорша цокнула языком:

— Ты что? Ни в коем случае! Он ждет повышения. Не такой уж он дурак, чтобы теперь затевать ссору. Ну как ты здорово поддал ему жару, отвесив по заднице пару пенделей, а?!

Говорит

Пальван-ага, отец Хамранияз Рахмановой, ветеран Великой Отечественной войны

— В тот день, когда я увидел ее, мне стало не по себе. В другое время я бы не сдержался, возможно, сделал бы ей замечание. Потому что пришла

¹ Тетя.

как на свадьбу или на парад, вырядилась в самое лучшее, что было у нее. Но будто что-то застряло в горле, и я не смог произнести ни одного грубого слова. Может, и впрямь, подумал про себя, приглашена на той¹. Она угадала мои мысли и ответила вежливо, но грустно: «Нет». При этом как-то неестественно улыбнулась. И улыбка ее мне не понравилась. Показалось, словно она через силу старается быть веселой, пытается улыбнуться и к месту и не к месту. Смеялась так, будто задыхалась. Или ей было не по себе, или я сам встал не с той ноги. И как ни чесался мой язык ляпнуть что-то обидное, но сдержал себя. Раньше без оглядки делал дочери замечания, грубил, несмотря на то что она сама давно стала матерью.

Короче, пришла она не одна — с детьми, моими внуками. Посидели, все вместе поели арбуз. Потом ребята выскочили из дома повидаться со своими друзьями. Остались мы одни. Вот тогда она и зарыдала без стеснения, содрогаясь плечами, как от смеха.

А я, старый пень, не сразу понял: смеется они или плачет. Думал, что смеется, с трудом повернул ее голову к себе и увидел, что по щекам текут слезы.

— Райпрокурорша... ежедневно заставляет писать две-три жалобы на следователя... Теперь и перед чарджоуским следователем я виновата... не могу в глаза человеку смотреть... Сколько раз его оклеветала: будто он меня избивал, будто хотел... Я уже теряю голову... Запуталась... Если не будешь писать... сказала Джепбарова мне...

Голос, как затравленная птица, вырывался наружу, надтреснутый и придавленный. Губы аж посинели.

— Никогда больше не клевети на людей, доченька. Чего ты боишься этой толстосумки? Ты ведь тоже не одна на свете. Что из того, что она прокурорша! Что она — пуп земли? Пусть впредь хоть словечком обидит тебя, я сам с ней поговорю как следует. Эти сволочи все успевают: и деньги гребут, и житья не дают. Кончай писать под ее диктовку. Пусть еще раз сунет к тебе свой крысиный нос, я ей и нос и челюсть выкручу, этой грязной бабе. Где они только обучались? Кто только дал образование подобным чудовищам, ненасытным монстрам? Когда их всех разгонит Горбачев? Скажи, доченька, чем это прокурорша припугнула тебя?

«Если не будешь писать...» — лишь и проронила Хамранияз, как вернулись дети.

Прежде чем попрощаться, он сказала мне, что завтра пойдет в райком и все расскажет там о деяниях прокурорши и ее мужа Солтанова. «Я сдерну с них маску, папа, вот увидишь...»

6 ИЮЛЯ 1987 ГОДА

Рано утром нашли ее повешенной...

ИЗ РАЗГОВОРА В ЧАЙХАНЕ

— Говорят... в полночь черная «Волга» подъехала к ее дому... Соседи видели. Но они никому ничего не скажут. Боятся. И свидетелями быть не собираются...

¹ Свадьба.

ИЗ ГАЗЕТ

«Смерть Х. Рахмановой... сокрыта тайной. Слишком много вопросов, чтобы поверить в это...»

ИЗ ЧАСТНЫХ БЕСЕД

— Она знала, что ее убьют. Знала и будущих убийц. Она не скрывала своего мрачного предчувствия и говорила об этом везде и всюду.

Версии Хаиткулы Мовлямбердыева:

«Последние пять дней жизни Рахмановой были переполнены испытаниями.

Если бы Хамранияз полностью отказалась от прежних показаний, если бы те были спокойны и уверены, что она на судебном процессе не «расколется», лишь в этом случае ей дали бы жить.

Пять дней душевных мук и метаний показали ее неустойчивость, незащищенность.

После всего случившегося представляю себе такой диалог двух всполюшившихся полковников:

Полковник милиции. Я стал сомневаться, что при народе Рахманова растеряется. Раз растеряется, значит, и рта не раскроет. А вдруг откроет? Тогда знай: мы пропали. Со мной здесь творили такое, скажет. Обязательно скажет! Запугивая, заставили писать жалобы. Били, пистолет к виску приставляли, над головой стреляли, скажет.

Полковник юстиции. В таком случае что делать?

Полковник милиции. Надо исключить участие Хамранияз на суде.

Полковник юстиции. Как? Каким образом?

Полковник милиции. Как? Будто не знаешь как... Ты догадываешься, надеюсь, что станет с тобою, если она протреплется на суде?

Полковник юстиции. Догадываюсь. Подсказать, под какую статью подгонят?

Полковник милиции. Повешусь, если хуже, чем ты, изучил кодекс. Если тебя сцапают, то знай: мы пропали. Меня не снимут — вышвырнут с этой должности, детям юрфак даже сниться не будет. Здесь и от нас требуется жертва, поняла?!

Полковник юстиции. Кем? Кем жертвовать?

Полковник милиции. Или сами, всей семьей, так подзалетим, что уже никогда не выкарабкаться, не отмыться, или...

Полковник юстиции. Что ты лепечешь? Пусть ветер сдует с твоих уст дурные пророчества.

Полковник милиции. Или... остается принести в жертву главную свидетельницу. Мне нелегко произносить эти слова. Поверь, очень трудно. Тысячу раз предварительно взвесил, прежде чем их сказать, но что поделать — приходится. Да, хорошая женщина. Оба сына уже подросли. Есть бабушка, дед. Есть кому присмотреть за ними, сиротами не останутся... Решать нужно быстро, без малейшего промедления. Иначе поезд уйдет...

Давай сперва уточним, кто главный свидетель по твоему делу? Не Хамранияз ли?

Полковник юстиции. Она.

Полковник милиции. Данные ею показания шатки? Или нет?

Полковник юстиции. Шатки.

Полковник милиции. Доказывается это или нет ее жалобами после выхода из-под стражи?

Полковник юстиции. Доказывается.

Полковник милиции. Ха-ха-ха... Очень хорошо. Потом... там в ИВС она сделала первую попытку к самоубийству?

Полковник юстиции. Была попытка.

Полковник милиции. Прекрасно! Вот что и подсказывает нам, как с ней поступить.

Полковник юстиции. Не зря ты работал в седьмом отделе милиции.

Полковник милиции. Пригодилось, скажи! И если эти причины подгоним к фактам издевательств со стороны следователя, то...

Полковник юстиции. Организуем записку, не так ли? Напишет ли?

Полковник милиции. Напишет, куда денется. Заставим. Собственной рукой. Объясним, что надо припугнуть прокуратуру, поняла? Ну чтобы ее оставили в покое, иначе она покончит жизнь самоубийством. Поняла?

Полковник юстиции. А что, если не напишет?

Полковник милиции. Если жизнь дорога, напишет. Вот посмотришь...»

Текст записки, найденной при осмотре трупа Х. Рахмановой:

«Я ошиблась. Пусть моих ошибок не повторят мои дети...»

«...Вот каковы мои версии, Халима Джораевна, в кратком изложении. Конечно, сразу пришедшие в голову мысли не проверены и не отработаны.

Давайте представим, что вы — прокурор области, а я — руководитель уголовного розыска. На вас возложено следствие, а на меня — розыск преступников.

Только что изложенные мной соображения назовем изначальными контурами версии. И все, о чем мы с вами тут беседовали, допустим, наша первая маленькая оперативка...»

Разговор этот начался только что, прямо у подъезда Халимы Джораевны. По непреложному правилу служебные дела не должны быть предметом уличной беседы. Им место — кабинет, а формой проведения могла бы стать маленькая оперативка. Конечно, подошла бы и гостиная, охлажденная кондиционером. Вдобавок ко всему этому не помешал бы чайник зеленого чая с двумя пиалушками.

Так и задумывала инструктор обкома встречу с Хаиткулы. Но не получилось. И виной этому — не она, а сам Мовлямбердыев. Халима позвонила ему, Хаиткулы не оказалось дома. Мать сказала: «Марал ушла

жижурит»¹. А на вопрос, где Хаиткулы, ничего ясного ответить не смогла, пообещала лишь передать, как только появится, что его разыскивают.

К вечеру зазвонил телефон. Халима подумала, что это наверняка Хаиткулы, и, собираясь с мыслями, подняла трубку. Но звонивший, нарочито бая, представился комиссаром, заместителем Мегрэ. А после, хотя и стал говорить естественным голосом, продолжил шутя:

— Я не папа. Он работает даром. Я же могу раскрыть тайну не бесплатно. С вас плитка шоколада, с меня — точный адрес и телефон. Устраивает? Тогда слушайте, тетя Халима: во время обеда бабушка за ушко потянула папу за то, что он слишком длинные отрастил волосы. Папа пообещал сходить сегодня же к дяде Италмазу. Только что он позвонил и передал свои координаты. Запишите: телефон 3-63-72, 374-й квартал, 4-й дом, 17-я квартира. Ёлдашев Италмаз Ёлдашевич.

«Ой, это же рядом, соседний дом», — сначала обрадовалась Халима, но что-то удержало ее от немедленного звонка. И дом — рукой подать, и Италмаза Ёлдашева знает. Но он ведь никакой не парикмахер. Он заместитель председателя областного общества по охране культурных и исторических памятников. Здесь что-то не так. Задумавшись, она все-таки набрала названный номер. К удивлению Халимы, трубку снял не кто иной, как сам разыскиваемый. В свою очередь и он немало был удивлен, что на другом конце провода оказалась Халима. Неожиданность за неожиданностью!

Спустя полчаса Розыбаева, выскочив на улицу в домашних тапочках, встретила Хаиткулы.

— Что-то случилось, Халима?

— Да, случилось. В Керки. Разве вы не в курсе, Хаиткулы-ага?

Хаиткулы был не только в курсе. В какой-то мере даже считал себя причастным к смерти Хамранияз. Именно поэтому он получил полнейшую, какая была доступна, информацию.

Бекназар, оказывается, еще раньше распорядился обеспечить безопасность Рахмановой вне дома, предупредив местную милицию. И та приняла меры. После того как Хамранияз с детьми вернулась домой, примерно к десяти часам вечера пост был снят. Хаиткулы, позвонив Салаетдину Кыямову, уточнил время снятия поста.

Мгновенно долетела до Мовлямбердыева весть о том, что ни в записке, ни на конверте не обнаружили отпечатков чужих пальцев. Это подтвердила экспертиза.

В конце телефонного разговора Хаиткулы, не называя имен, задал Кыямову вопрос:

— Не связано ли то событие, о котором идет речь, с двумя болкой-неками²?

Через секундную паузу последовал ответ:

— Наши успокоились, положившись на текст записки. Посему без нажима сверху не станут связывать трагическое событие с теми, о ком вы говорите.

Ответ Салаетдина не удовлетворил полковника милиции в отставке,

¹ Искаженное слово от «дежурить».

² Полковник.

и, как в былые времена, будучи начальником угро области, Хаиткулы посчитал себя вправе тоном, не терпящим возражения, спросить, потребовать, приказать:

— Ты кто? Работаешь инспектором угро или пасешь там баранов? Непременно увяжи событие с двумя теми болкойнеками, понял? Проверь алиби. О малейшем подозрении сообщи мне. Не жди никаких указаний ни сверху, ни снизу. Действуй!

Дерзкая мысль молнией пронеслась в голове инструктора обкома. Халима сперва не хотела говорить собеседнику, но потом подумала, что, пожалуй, этим обидит Хаиткулы, и открылась ему:

— Хаиткулы-ага, как бы вы посмотрели на то... могли бы вы взять розыск на себя? Иначе ничего не выйдет.

Хаиткулы, хоть и отказался от прямого, официального руководства розыском, все же изъявил желание быть личным консультантом Розыбаевой. Тогда-то Халима и попросила его обрисовать возможные версии «самоубийства» Хамранияз Рахмановой. И вот уже полчаса Хаиткулы выкладывал свои предположения, непроверенные, но и не взятые с потолка.

Очередную версию он излагал, когда они с Халимой вышли на улицу имени Героя Советского Союза Лагутина, а затем свернули на Ворошилова. И лишь на углу огромного здания новой зубопротезной поликлиники он поставил точку в последней версии.

Халима ограничилась тем, что про себя отметила, как затруднит, свяжет по рукам и ногам следствие записка, оставленная Рахмановой перед смертью, а вслух призналась Мовлямбердыеву, что почти не реально перепроверка тех фактов, доводов, доказательств, на которые он опирался в своей версии:

— Жаль, что Хамранияз оставила записку, она бьет по рукам! — заключила Розыбаева.

Из частных бесед

— Ты слышал, сама райпрокурорша взялась обмывать тело покойницы Хамранияз?..

— Как же так? Этот обряд совершают лишь близкие родственники или мурдашуям¹.

— Будто бы потому, чтобы людям не бросались в глаза синяки на ее теле...

5 АВГУСТА 1987 ГОДА

Ашхабад. Несколько высоких домов старого типа, построенных сразу после землетрясения, стояли, утопая в зелени, за парком культуры и отдыха. В одном из них расположилась, заняв весь второй этаж, республиканская прокуратура.

У ее подъезда примерно между десятью и одиннадцатью часами остановилось такси, из которого выбрались двое — высокая, полная, с гордо

¹ Старуха, обмывающая тело покойника перед погребением.

поднятой головой женщина и круглолицый, с длинной шевелюрой, спортивного телосложения парень.

Бросался в глаза их несобранный, растерянный вид. Выдавали их обоим нервозность, неуверенность, скованность движений, хотя внешне они делали отчаянную попытку казаться этакими бодрячками и даже деланно шутить, чтобы, не дай бог, кто-либо не заметил испуга, смущения на лицах.

До сего дня никому из них не доводилось, внутренне содрогаясь, стоять перед этим подъездом. Подобного не припомнят ни она, ни он.

Сколько раз прежде эта женщина в красном велюровом платье, без вышивки, вельможно поднималась по ступенькам офиса, не удосуживая, хотя бы ради приличия, кивком головы работников нижних чинов, сколько раз заходила в кабинеты как к себе домой — уверенно, без тени смущения — и выходила с видом победителя.

Ей никогда не приходила в голову мысль, что однажды вот так, в убийственно жутком настроении, придется трепетать у входа в республиканскую прокуратуру. Даже во сне не снилось.

Женщина в красном платье, вдохнув полной грудью, с возвратившейся решимостью обратилась к парню:

— Эркек бол!¹ — и, хлопнув его по плечу, ступила на парадную лестницу. Поднималась тяжело.

Привычные ступеньки, широкий прохладный коридор, знакомые двери кабинетов... Здесь раньше лишь перед назначением ощущала она трепетное волнение, лишь на приеме у первого лица, а сегодня словно семиглавые чудовища точили зубы за дверями... Ноги подкашивались, не слушались.

Еще не так давно, в прошлый приезд, дежурившие у входа девушки радушно встречали ее:

— О, с приездом, Гуля-дайза! — и поднимались в знак внимания и уважения, как при появлении высоких начальников. Так было раньше. А сейчас как встретят ее?

Женщина в красном не помнила, как прошла мимо сидевшей у входа дежурной. Встала ли та с места, поприветствовала ли? Может, сделала вид, будто не видит, а может, приподнявшись, как всегда улыбнулась? А сама она кивнула ли ей? Не знает. Не помнит. В ее ли теперешнем положении снисходить до таких мелочей, думать — радоваться ли, волноваться ли из-за них?

Теперь все мысли совсем о другом. О большем, нежели те мелочи. Не более чем через полчаса она или спустится по лестнице легкими привычными вкрадчивыми шагами, или ее поведут...

Об ином исходе даже подумать боялась.

Но ответ ей был дан немного раньше, чем предполагала.

Заместитель прокурора республики Николай Николаевич Бродницкий принял ее незамедлительно. Следом вошел следователь Чарылы Эсенов с папкой, еле умещающейся под мышкой. Прошел к столу и положил перед Бродницким пухлое дело.

Ни Чарылы Эсенова, ни его непомерно разбухшей папки она не боялась. Он ей не враг. Доброжелатель. В самом начале делал все от него зависящее,

¹ Будь мужчиной!

чтобы прекратить следствие. Если бы он желал ей плохого, разве помог бы перетаскивать мебель, ковры, когда пришлось покинуть Керки? Но тот самый Чарылы Эсенов прямо в ее присутствии не моргнув глазом раскрыл дело, взял оттуда листок бумаги и положил перед Николаем Николаевичем.

Вот когда она чуть не вскрикнула.

Значение этого бланка было еще как знакомо. Ей приходилось неоднократно подписывать подобные бланочные листки. Голова пошла кругом, глаза окутала плотная, непроницаемая пелена.

Она вспомнила, что и на ее стол вот так же примерно клали документ на подпись, как сейчас происходит в этом кабинете. Следователь приносил, как пасьянс раскладывал перед ней бланки, а сам стоял в почтительном ожидании, когда прокурор соизволит черкнуть подпись. Прежде она никогда не думала, что стоит за ее подписью, что произойдет после. Зато нравилось в подобных случаях смотреть в лицо подследственного, если он присутствовал сам. Как правило, подследственный не понимал, что с ним происходит в данный момент... и тем самым попадал впросак. Ей не нравились люди гордые, привыкшие высоко держать голову, хотя сама себя причисляла к этой же категории.

Говорят, бараны инстинктивно чувствуют смерть при виде мясника. Некоторые подследственные тоже при виде бланка то смертельно бледнели, то краснели до корней волос. Она, районный прокурор, не могла лишиться себя такого удовольствия, как созерцать превращение человека то в покойника, то в реанимированного, но чья жизнь все еще висела на волоске. Именно в такие минуты торжествовала: насколько всеильна должность прокурора — лишать и дарить... свободу!

Черкнет — сиди за решеткой, не черкнет — ходи на воле, дыши свежим воздухом.

Теперь, по иронии судьбы, сама в таком же положении.

Все зависело от того, кто сейчас сидел за столом.

Контроль над собой она потеряла всего лишь на какую-то долю секунды. Не больше. В следующий миг ее глаза расширились и впились в руку сидящего за столом человека, который, казалось, вот-вот потянется к авторучке.

Крепко держась за подлокотники кресла, она откинула голову назад.

Заместитель прокурора республики заранее ознакомился и с содержанием дела, и с тем, что было написано на бланочном листке. Он этого и не скрывал. Машинально разглаживая морщинки на лбу, бросил пристальный взгляд на знакомую женщину, недавно переведенную с поста районного прокурора Керкинского района в Фарабский район помощником прокурора, и призадумался. Теперь он видел и не видел ее. Может, он, Николай Николаевич, припоминал, как райпрокурор встречала, сопровождала, провожала их? Или, быть может, перед его глазами возникли пятеро ее детей? Перед ним сидела не кто-нибудь, а его коллега, и не бесталанная. Известная.

Этой тишины Джепбарова не смогла вынести, пережить, преодолеть. До сих пор сидевшая как сжатая пружина, неожиданно жалобно заныла, заскулила, но внутренней своей позиции не сдала, держась как кобра, готовая в любое мгновение ужалить:

— На меня клеветают... Дело состряпали мои завистники... И этот

следователь тоже продался чарджоуским татарам¹. — От жалобного нытья она кинулась в атаку, когда рука заместителя зависла над ручкой, чем ближе рука к ручке, тем громче и яростнее звучал ее голос: — Вы тоже, Николай Николаевич, бессердечный человек, нет у вас души... человеч...

Парню, маячившему внизу у подъезда, сказали: «Можете не ждать!»

Он вскочил. Плюнул на пень, на котором только что сидел. Пнул его несколько раз ногой: вот тебе, вот тебе... получай. Парню хотелось сорвать зло, прорвавшееся наружу.

24 АВГУСТА 1987 ГОДА

Рассказывает *Х. Рахманов, бывший заведующий отделом государственно-правовых органов обкома КП Туркмении:*

— К концу работы Халима Джораевна зашла ко мне. На днях она собиралась в Болгарию, руководителем группы. Приказ о трудовом отпуске был подписан.

Коротко доложив о результатах командировки в Дарган-Атинский район, инструктор обкома встала. Прошла к двери и обернулась:

— Знаете что, Хамид Маджидович, до меня дошли слухи, будто бы Худайберен Солтанов хочет рассчитаться с некоторыми товарищами в случае, если его жену лишат свободы. Говорят, он составил список тех, кому будет мстить. В том списке будто бы имеется и моя фамилия.

Я потянулся было к трубке телефона, но Розыбаева воспротивилась:

— Хамид Маджидович, это я сказала так, к слову. Для беспокойства нет причины. Я привыкла к угрозам. Вот уже десять лет меня пугают. Не беспокойтесь, Хамид Маджидович, я просто сказала то, что слышала. Она ушла, успокоив меня.

Говорят коллеги Халимы

— Неужели сама она безгрешна? Может, работала без ошибок? На других собрала компрометирующие материалы, а брат ее ведь тоже сидел...

— Не слышали, как она, будучи прокурором города, угробила машину, служебную? Сама сидела за рулем. После того случая ей было запрещено водить служебную машину.

— В бытность Халимы прокурором ее широкий рабочий стол был завален бумагами, делами, газетами, журналами, на полках книжного шкафа царил невообразимый беспорядок. Трудно догадаться, что хозяин кабинета — женщина, настолько он казался неудобным. Даже на креслах для посетителей лежали какие-то бумаги, папки-скоросшиватели, справочники...

С самого порога человек, входя в кабинет, убеждался, что он попал именно в рабочий кабинет. А прежние хозяева блюли здесь абсолютную чистоту — ни пылинки, ни соринки, ни газеты, ни журнала не увидишь. Лишь в шкафу за раздвижными стеклами стояли книги, написанные современными «классиками» марксизма-ленинизма: Л. Брежневым, К. Черненко и другими духовными отцами эпохи застоя.

До Розыбаевой не рабочий кабинет был, а кабинет отдыха!

¹ Оскорбительное выражение.

Продолжение рассказа Х. Рахманова, бывшего заведующего отделом
государственно-правовых органов обкома КП Туркмении:

— Утром следующего дня, войдя в кабинет, набрал номер телефона Комитета государственной безопасности. Нихезина на месте не оказалось. Позвонил заместителю Эмису Мухитдиновичу Хаятову. Попросил его зайти. Он сослался на занятость и сказал, что, как только освободится, позвонит. До обеда, не дождавшись звонка, сам набрал его номер. Хаятов не ответил.

Халима Джораевна готовила справку о своей командировке в Дарган-Атинский район. В конце рабочего дня опять зашла ко мне:

— Завтра я буду после обеда. У меня дела в городском партархиве.

— Добро.— Я передал ей жалобу одного профсоюзного работника о незаконном снятии его с должности.— Заодно проверьте, как он ушел с прежней работы.

На этом мы с ней...

Мнение официального работника

— Вначале на должность заведующей отделом административных органов обкома КПТ рассматривалась и кандидатура Халимы Джораевны. По неизвестным мне причинам она не прошла. Кажется, на Розыбаеву писали анонимки. Завотделом утвердили Хамида Маджидовича Рахманова. Эта кандидатура самой Халимы Джораевны.

25 АВГУСТА 1987 ГОДА

— Последний день жизни Халимы. Последняя страница ее биографии. Последний полдень. Последний плов матери для дочери. Последний.

Страшное слово — последний. Горькое. Беспощадное. Оно перечеркивает все, что было оставлено на завтра. На послезавтра. На год. На десять, двадцать лет. Все разом, одним махом. И незавершившаяся борьба — тоже перечеркнута.

Смерть опередила любовь. Она шла по следам в Дарган-Ате и, притаившись до времени, подкарауливала свою жертву у кривой деревянной калитки по правой стороне улицы Комсомольской, возле дома № 29.

Садат-Дайза, мать Халимы

— Она позвонила и сказала, что из Дарган-Аты вернулась. «Хорошо, что вернулась. Заходи, доченька, на плов», — позвала я ее. Халима сказала, что зайдет немного погодя, что она должна срочно написать отчет. «Хорошо, доченька, — сказала я, — только не забудь...» Кажется, она пришла в полдень, в три часа дня... Вот здесь, — мать Халимы, высокая, сухоощавая, от горя почерневшая, как смола, показала старую железную кровать, на которой вместо пружин лежали неровные доски, — дочка села и, глубоко вздохнув, призналась, что в последние дни невыносимо устает.

«Почему всегда и всюду ты? Где трудно — посылают тебя. Где воп-

рос посложней — поручают тебе. Жалобы тоже проверяешь ты. А обиды, как град на хлопок, валятся на кого? Опять на тебя. Кроме тебя, нет, что ли, там, в вашем обкоме, никого? А мужчины где? И мужскую работу на тебя ввалили», — не смогла сдержаться я и на этот раз. Просто обидно стало за дочку — все она, всюду она. А жить-то когда? А любить-то кому?!

Халима и теперь резко ответила мне: «Ну что ты, мама, вмешиваешься опять не в свое дело, лучше бы скорее подавала плов, проголодалась я...»

— А вот здесь, — мать Халимы махнула рукой в сторону перекрестка двух улиц — Комсомольской и Карла Маркса — и рукавом платья вытерла выкатившиеся из уголков глаз темные слезинки, — вот до этого места я провожала ее каждый раз... Здесь мы прощались... И я, вопреки ее колким ответам, просила следить за собой, быть осторожной... А в последний раз только отвернулась, чтобы уйти, как дочка руками вцепилась в мой локоть:

«Мама, ты что, не хочешь чмокнуть в щечку? Нарушаешь!..»

Я обняла ее, отпускать не хотела... Халима меня поцеловала, я ее... Потом она завернула за угол направо и исчезла из глаз моих... а я стояла, не зная, куда деть себя...

* * *

Послеобеденный час.

В такое время люди стремятся укрыться в спасительной тени, которая под высоким солнцем истончалась как проволока.

Мать осталась стоять где-то за перекрестком, а Халима, в легком ситцевом платье с вышитым воротником, пересекла улицу и шла по тротуару, где, хоть и с большими проплешинами, росли деревья, отбрасывающие на асфальт пеструю тень. Любой клочок ее воспринимался как дар судьбы... Идя по этому относительно прохладному коридору, Халима думала о своем, искала в памяти хоть один год, прожитый ею, как говорят, лично для себя. Не спеша стала листать страницы школьной жизни. С начала, с первого класса. Их воспроизвела как кадры кинохроники — с мельчайшими подробностями и достоверными деталями, которые даже время не могло стереть из памяти... Все ожило перед глазами... Светлые дни. И дни печали, неосознанной грусти... Растерянные, а потому тревожные мысли девочки: почему даже самые хорошие, самые добрые, самые, самые... из учителей не всегда выслушивали сокровенное, чем хотелось с ними поделиться, не всегда воспринимали правду, сказанную в глаза. Этого она не могла понять... Сами же учили никогда не лгать, не изворачиваться... и сами же обижались и замыкались в себе, когда кто-то говорил им правду о них самих. Может, себя они причисляли к лику «неприкасаемых», «святых», мومих. Может, себя они причисляли к лику «неприкасаемых», «святых», момих. Может, считали, что всю правду они могут говорить только о своих учениках?!

С золотой медалью после школы Халима приехала в Ашхабад, выбрав Государственный университет имени А. М. Горького. Она нисколько не сомневалась, что поступит и будет учиться в нем. Халиме предстояло лишь сдать экзамен по специальности. По ее тогдашним понятиям, чтобы поступить в университет, человек должен прекрасно знать свой предмет. Но ей вернули документы прямо из окошка, где их принимали, с нелепым дово-

дом, что для поступления на юридический факультет нужны не ее знания, а годичный трудовой стаж.

А шустрые середнячки, не имевшие золотых медалей, а всего-навсего годичный трудовой стаж, прошли. С каким-то подавленным настроением ушла она из приемной комиссии. Это состояние души хорошо знакомо тем, кому приходилось терять год из-за нехватки отдельных справок.

За черноволосую, в очках, девушку-толстушку из Чарджоу ухватились в другом вузе — политехническом. Чемпионка республики по шашкам, медалистка... Здесь сидели люди, совсем не похожие на членов приемной комиссии государственного университета. Они больше всего заботились об авторитете своего института. Такие студенты им нужны — чемпионка! медалистка!

Но сама Халима считала, что окончила школу не для того, чтобы быть строительным инженером. Ну поступит она, защитит, получит диплом. Кем она окажется после? Обыкновенным, рядовым, посредственным инженером. Как же оценить поступок с ее стороны, если она, может, займет место будущего талантливого строителя?!

Взвесив все «за» и «против», Халима пошла и забрала документы. Занять место другого студента можно, окончить можно и работать можно. Можно, если тебе все равно кем быть. Если ты прошел адаптацию на чужом месте.

— Уважаемый ответственный секретарь! Я поняла, что собираюсь занять чужое место в жизни, — сказала она, когда пришла за документами.

До ответственного секретаря не сразу дошел смысл ее слов. Но когда уяснил, пожал девушке руку:

— Молодец, доченька. И дальше живи так, только так!

Через некоторое время, правда, она все-таки узнала, что в приемной комиссии университета обманули черноволосую, в очках девушку-толстушку из Чарджоу, отказавшись принять ее документы на юридический факультет. Оказывается, золотые медалисты имели право поступать и без годичного трудового стажа.

Из-за нечистоплотности, а может быть, из-за корыстных побуждений отказавшийся принять документы отодвинул давнишнюю мечту Розыбаевой ровно на год.

Из дневника Халимы

Готовилась к вступительным экзаменам. 2-го августа сдала историю СССР — на «отлично». Спокойно поехала домой.

Время! Куда оно девается?

Ну вот хотя бы взять июль — август. Сорок, пятьдесят дней. Куда их дела, Халима?

Потратила на преумножение и без того немалого числа своих врагов. Скажут: «Тратила» — это не то слово».

И взаправду, три-четыре дня тому назад была в командировке в далеком Дарган-Атинском районе. Ездила туда не для вручения знамени побе-

дителям социалистического соревнования. И не для раздачи премий или наград.

Халима там готовила вопрос о работе правоохранительных органов района, который должен был рассматриваться на ближайшем заседании бюро райкома.

Проверяя все тщательнейшим образом, скрупулезно и досконально, она вскрыла многие нарушения законности среди сотрудников районной прокуратуры. Вывела на чистую воду районного прокурора, который неправомерно держал человека под стражей. Могла бы сделать вид, что не заметила, равнодушно, не вдаваясь в подробности, детально не разбираясь в этом, пройти мимо. Нет, не прошла, не могла не обратить внимания, не вникнуть в суть дела. Хотя, впрочем, могла бы, если бы захотела. Но Халима — человек иного склада: ни в чем не давать себе даже малой слабинки, никогда не идти поперек своей совестливости, честности, порядочности. Такова природа ее духа, который никому не было дано сломить или поколебать.

Теперь дадут ли соответствующую оценку своеобразному пониманию и исполнению своих правомочий этим прокурором? Халима не сомневалась: дадут. Не он ли — прокурор Абдулла Ибрагимов — просил ее не включать прискорбный сей факт в справку? Просил. Умолял. А Халима вняла его просьбам? Нет.

АНОНИМНЫЙ ЗВОНОК

— Розыбаева, уймись! Будь человеком. Не то — уничтожим! Попадешь нечаянно под машину. Ты же близорукая. Не уймешься, примемся за твоих — мать, отца, братьев, сестер... Подумай хоть... У них дети... Уймись! В последний раз предупреждаем!

* * *

Коричневый «жигуленок» обогнал ее уже в самом переулке. Халима стояла посреди шоссе, уступая дорогу машине, и не спеша почти было перешла на другую сторону, как вдруг «Жигули», только что обогнавшие ее на большой скорости, резко затормозили и задним ходом подскочили к ней. Халима, не обращая внимания на автомобиль, искала узкое место, чтобы перепрыгнуть через арычок, протекающий вдоль тротуара, но сделать этого ей не дали...

— Эй, Халима-джан, душенька ты наша, — пронзительный с издевкой женский голос будто камнем больно ударил в затылок. — Как ты поживаешь? Довольна ли тем, что моих детей лишила отцовской ласки? Теперь, наверное, прокурорское самолюбие удовлетворено и спокойно спишь, а?

Розыбаева обернулась. Женщину, высунувшую голову через опущенное боковое стекло и заговорившую с ней, она не знала. Видела впервые. И бесстыдный, поносящий, визгливый голос раньше тоже слышать не доводилось — услышала в первый раз...

А та распалялась все злее, все яростнее, срываясь в истеричный крик:

— Радуйся, змея очкастая, что оставила нас без кормильца. Если тебе, крыса обкомовская, и этого мало, сажай нас всех! Сажай, яловая корова!

Тебе все равно горя моего не понять. Бог, услышь меня! Лиши навсегда ее счастья быть матерью... Услышь меня, о аллах!..

Каждое слово, выкрикиваемое женщиной, обжигало мозг. Нестерпимая боль, вспыхнувшая в голове, передалась сердцу. Последнее, что слышала Халима, — это проклятия и рыдания. Они, казалось, заполнили все пространство вокруг инструктора обкома и доносились до ее слуха даже тогда, когда коричневая машина, преградившая минуту назад путь Халиме, будто провалилась сквозь землю. Лишь выхлоп желтого дыма медленно рассеивался на том месте...

Трудно было поверить в происшедшее. Уж не страшное ли видение возникло перед Розыбаевой и извивалось перед ней в течение десяти — пятнадцати секунд, обнажая змеиные жала? Эта короткая встреча превратилась в незабываемую жестокую, суровую и беспощадную схватку для обеих сторон.

И без того щемящее сердце Халимы сжало клещами. Она проклинала себя за то, что не свернула раньше, как хотела, в Чарджоуский переулок, и ничего бы такого не случилось...

Она, держась за сердце, перепрыгнула через арычок.

Кто эта истеричная женщина?

Не жена ли бывшего заведующего складом треста столовых и ресторанов? Когда его судили, Халима Джораевна была прокурором города. Она взяла на себя поддержание обвинения на суде. Ей было ясно: если этого не сделать — завскладом осудят одного. На протяжении всего судебного процесса Розыбаева сама не знала покоя и не оставляла в покое лиц, в отношении которых следствие ранее было прекращено. Она добилась у суда вызова их на процесс, задавая многочисленные вопросы и требуя исчерпывающих ответов, выяснила все до мельчайших обстоятельств, выявила степень вины каждого. В результате — дело послали на доследование, после которого на скамье подсудимых очутились трое из руководителей треста.

Может, та женщина — супруга одного из трех?

Если все так на самом деле, то ей должно быть известно содеянное мужем. Почему она не вцепилась, не схватила за руку, когда он тайком привозил домой неоплаченные продукты питания, пачки незаработанных денег?!

А не Розыбаева ли, старшего оперуполномоченного, жена это?

Если действительно она, то наверняка слышала, как ее муж избил подследственного. Супруга бывшего начальника отдела уголовного розыска? Он стал своим среди воров. Скрыл, прекратил уголовное дело отъявленного негодяя и мошенника, за что и был арестован Халимой Розыбаевой. Она тут же, без промедления, без малейшего угрызения совести, подписала ордер на арест. Разве можно быть милосердной за счет несчастий других? Сколько можно прощать? И так результаты безнаказанности видны на каждом шагу...

Тогда, после принятого ею небывалого, неслыханного по тем временам шага, многие старались повлиять, нажать на Розыбаеву, переубедить ее, изменить отношение к арестованному сотруднику милиции. Но сломить Халиму было невозможно. Нет, не удалось! Бывший начальник отдела, скрыв преступление, хотел ударить топором под самый корень законности.

«Бог с тобой, свирепая незнакомка. Пусть нас рассудит время. Я уверена — когда-нибудь ты поймешь, что была не права, и расскаешься в этом.

После твоих страшных слов проклинать тебя не собираюсь, не приучена... Я все-таки полагаюсь на твое материнское сердце. Разберешься сама, поймешь, что к чему...

А рану, нанесенную тобой, буду носить всю жизнь. Прошитое картечью несправедливости сердце мое я постараюсь не засорять проклятьями. Вылечить не смогу, но сделаю все, чтобы оно не кровоточило... Сделаю ради твоих детей... Нет моей в том вины, что они остались без кормильца, отца...

Пусть тебя, не знаю, как величать по имени-отчеству, мучают угрызения совести!»

Говорит Ш. Ташов, преподаватель школы № 23 Достлукского района:

— В апреле 1985 года доставив меня из Достлука в Дейнаууский район, месяц продержали под стражей. Я, впервые столкнувшись с этим, удивился, раньше не верил, что можно любого человека посадить без никакой вины. Потом я письмом обратился в партийные органы... Проверку фактов, указанных мною в заявлении, поручили... Халиме Розыбаевой. Меня вскоре освободили. Устроили на прежнюю работу. Справедливость восторжествовала...

* * *

У самого подъезда Халиму опять остановили. Она не скрыла, что не узнала личности, возникшей перед ней.

— Извините, кто вы? — смущаясь спросила Розыбаева и, виновато глядя на молодого человека, то снимала очки, то надевала их.

А незнакомец вел себя более чем странно. Потупив взгляд, водил носком сандалии по бетонной плите, лежавшей у входа в подъезд, и не знал, куда деть руки. Он походил на придавленного судьбой, совестливого должника, неожиданно оказавшегося лицом к лицу с кредитором. Переступая с ноги на ногу, долго не мог отважиться произнести хотя бы слово, а потом... его будто прорвало — заговорил так, словно поезд тронулся, а он еще толком ничего не сказал, — торопливо, отрывисто, взволнованно:

— Я... перед вами... виноват. Мне легче сейчас провалиться сквозь землю, чем стоять здесь... Противен самому себе... Стыдно. Я сам хотел... но не мог. А... а... вчера родители зажали меня в угол. «В чем дело? — спросили отец и мать. — Что случилось? У тебя, сынок, больной вид. Ты таешь на глазах. Откройся, не держи камень за пазухой...» И я выложил все как есть, рассказал про тот случай... без утайки... Признался, что сделал подлость... Я подлец! Извините, если можете! Я иш-шак, кретин, я...

Халима, на секунду закрыв глаза, задумалась. Внешне ничего не изменилось в ее лице, но внутри, в душе, поднималась волна ликующей радости:

— Да, да, теперь припоминаю, это были вы...

Однажды, это случилось не вчера, но и не так давно, чтобы забыть, бывшие коллеги Розыбаевой зашли поздравить ее с днем рождения. Среди них был и этот парень. Халима не знала его, не полюбопытствовала, кто он, приняв за родственника одного из сослуживцев. Лилась музыка, зачитыва-

лись поздравления, затевались шумные беседы. Халима угощала гостей пловом, не успевала разливать по чашечкам ароматный, приготовленный по собственному рецепту кофе, а когда проводила их... Этот момент она отлично помнит, как вернулась в дом, как устало опустилась в свое любимое кресло, опустила руку и... задев пальцами длинную коробку, вскочила как ужаленная с места. Как она здесь оказалась? В таком укромном месте — откуда?

Продолговатая низенькая коробка с японскими нероглифами... И по рисунку легко было догадаться, что это. Халиме стало не по себе от промелькнувшей мысли... Подавив минутную слабость, она подхватила коробку, надела в коридоре что попало на ноги и кинулась догонять гостей. Бегать она умела! У ворот городского ДОСААФ настигла их. Опередила на шаг и загородила дорогу. Халима прерывисто дышала, еле сдерживая гнев, чтобы ненароком не обидеть кого-либо. Бывшие сослуживцы не успели понять, в чем причина столь странного поведения именинницы, как вдруг парень шагнул к ней, ударил ладонью о ладонь и, широко улыбаясь, полушутливо-полусерьезно произнес:

— О, пардон, Халима-дайза! Коробка моя. Я эту вещь задвинул под кресло, в котором сидел, чтобы не мешала, и... забыл.

В тот день его вид был иным, чем сейчас. Он держался уверенно. Весело. Независимо. И его обращение к ней, как показалось, несколько фамильярное, и это непривычное слово «пардон» не покорило тогда Халиму. Все выглядело правдоподобно, вполне правдоподобно. Парень сумел с ловкостью индийского укротителя — заклинателя змей быстро загнать в кэди¹ кобры неожиданный гнев Розыбаевой, принявшей боевую позу, чтобы ужалить обидчика...

— Да, верно, это вы сидели в кресле...

И кобра невыплеснувшейся ярости смиренно улеглась в кэди.

Впервые Халима удержалась от мгновенной контратаки, ее так и подмывало высказать правду в глаза, но всегда и всюду, в любых обстоятельствах, она старалась не изменять главному принципу — доверять людям.

Впервые она не стала разбираться в том, что толкнуло парня, разъярившего ее, на этот, мягко говоря, двусмысленный поступок, но, расставаясь, предупредила:

— В дальнейшем постарайтесь быть повнимательнее... вы же еще очень молоды...

Теперь здесь, у входа в подъезд, откуда оставалось всего-навсего шесть метров — шесть метров, отделявших Халиму от роковой черты, ее обуяла радость. Перед ней, в последний раз сделавшей остановку на 39-летнем жизненном пути, в шести метрах от трагической развязки, человек искупил вину. Снял, сбросил с души черный камень. Признался в том, что соврал тогда. Оставил японский магнитофон умышленно, по чьей-то команде... Кому-то очень не терпелось подкупить Розыбаеву, поймать ее на малом... Не удалось!..

В другой раз она вряд ли отпустила бы парня, не докопавшись до истины, но сегодня главным для нее была не причина, а искупление вины. Она искренне рада за него. За его очищение. За его прозрение. Уверена, что от-

¹ Тыква; здесь — гнездо.

ныне он никогда не будет марионеткой в чьих-то руках. У него появился спасительный шанс — собственная совесть...

Ноги Халимы стали почти невесомыми, шаги чересчур легкими. Оставшиеся шесть метров преодолела на одном дыхании, как раньше, когда занималась спортом и тренировалась постоянно. Быстро щелкнул, открываясь, первый замок, а когда в замочной скважине второго ключ готов уже был повернуться, словно кто-то тряхнул ее за плечи: «Куда торопишься? Не спеши. Возвращайся обратно. Спустись вниз. Выйди на улицу, посмотри вокруг. Надышись вдоволь!..»

Халима обернулась — никого не было. Ни единой души. Тишина. Рука, держащая ключ в замке, почему-то дрогнула, расслабилась, чуть было не опустилась... Повернуть ключ не хватало силы...

Там внизу она могла продлить свой путь еще на четыре километра. Повод для этого был: срочно требовали справку. Вначале Розыбаева так и думала — зайти домой, не раздеваясь взять папку с документами и пешком отправиться на работу, но там ей не дали бы спокойно подумать. То телефонные звонки, то вызовы наверх и вниз по этажам, то совещание у заведующего... Нет, там, пожалуй, справку за два дня не напишешь... Лучше поработать над ней здесь, дома... Приняв окончательное решение, Халима воспрянула духом и окрепшей вмиг рукой открыла второй замок...

Последний, сотый ее шаг оборвался за порогом... навсегда.

26 АВГУСТА 1987 ГОДА

Рассказывает *Х. Рахманов, бывший заведующий отделом государственно-правовых органов обкома партии:*

— Свой рабочий день начал со звонка в областной Комитет государственной безопасности. Нихезин был на месте. Я сказал ему шутя: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе сам» — и предупредил, что загляну к нему. Поставил Нихезина в известность о своем вчерашнем звонке, о разговоре с его заместителем, с которым договорились встретиться, но встреча так и не состоялась по неизвестной причине. Сообщил ему также об угрозе в адрес Халимы Розыбаевой со стороны Худайберена Солтанова.

Нихезин поспешил меня успокоить:

— Узнайте у Халимы Джораевны, от кого ей стало известно о намерении Солтанова. Она скажет. Потом побеседуйте с тем, кого назовет Розыбаева. Тот укажет, кого надо... Затем у того... таким образом, станет известен источник...

Халима Джораевна обещала быть во второй половине рабочего дня. Решил обратиться к ней, по совету Нихезина, в отношении источника... Обеденный час закончился... Жду, не спускаю глаз с циферблата... Уже 15.00. Розыбаева никогда не опаздывала, а в случае непредвиденной задержки непременно ставила меня в известность... Что могло случиться? Нет, никакого внутреннего беспокойства я не ощущал. Позвонил в партархив. Сотрудница Регина сообщила, что Халима Розыбаева звонила ей вчера, просила подготовить некоторые документы, обещала зайти утром, но до сих пор не появлялась.

Значит, подумал я, задержалась в облпрофсоюзе. Звоню председате-

лю, который по внутреннему телефону связался со всеми отделами, я слышу их ответы. Нет, она и там не была.

Набираю номер телефона Зылайхи, младшей сестры Розыбаевой, инструктора городского комитета партии. Неявку Халимы на работу она восприняла спокойно. С таким же спокойствием обещала навестить сестру после работы и все выяснить.

Не ограничиваюсь этим, звоню Розыбаевой домой. Куда она запропастилась, на самом-то деле? Ответа не последовало. Опять созваниваюсь с младшей сестрой. Зылайха старалась успокоить меня:

— Возможно, телефон неисправен, Хамид Маджитович. Не волнуйтесь, пожалуйста, я после работы наведуясь к ней и сразу же позвоню вам...

Но ждать до конца работы я уже не мог. Нет, не потому, что закралось какое-то мрачное предчувствие, нет, подобной мысли вовсе у меня не было, беды я не чувствовал и не предполагал.

— Что-то Халима Джораевна опаздывает... звонка нет, дома телефон не отвечает. Может, она заболела, а ее аппарат не работает, отключен? Съездили бы к ней? — попросил я своего инструктора Базарова.

— А тактично ли будет с нашей стороны мешать ей? Все же человек готовится к поездке, притом у женщин в такие моменты всегда хлопот по горло, — возразил инструктор.

Действительно, Халима Джораевна могла превратно истолковать этот приезд. Но и выяснить, что с ней, не терпелось.

— Тогда поезжайте к ней с ее сестрой, — посоветовал я Базарову. — Возьмите машину...

Он уехал.

И позвонил спустя сорок минут сильно изменившимся, срывающимся голосом...

Говорит Зылайха Розыбаева, инструктор горкома партии:

— ...За мной приехал товарищ Базаров. Мы отправились с ним домой к сестре. Приехали. Стучимся. Никто не отвечает. Нажимаем на кнопку звонка, снова стучимся в дверь. Бесполезно. Дома ни души. Наконец я взялась за ручку и стала трясти дверь. Вот тогда заметила, что нижний замок не заперт. Дверь держалась на одном английском замке, который захлопывается щелчком, без ключа. А Халима всегда закрывала оба замка. Всегда. Я попросила товарища Базарова съездить к нам домой за запасными ключами. Халима их оставила у матери...

Съездили. Открыли. Дверь в гостиную была прикрыта. Почувствовав недоброе, Базаров сам не вошел и меня не впустил внутрь. Мы заглянули через входную дверь и, ошеломленные, застыли, увидев хаотично раскиданные вещи на полу... Это было знаком беды. Я не помню, как оперлась на стену, не помню, как опустилась на бетонные ступеньки. И слезы лились, лились... а после...

Рассказывает Х. Рахманов:

— ...Я поднял на ноги областную прокуратуру, УВД. Первым в работу включился кинолог. Собака не смогла взять след — преступники, оказы-

вается, полили пол одеколоном. Открываем дверь гостиной и видим... Халима Джораевна сидит в кресле с телефонным шнуром на шее... Почему-то перед моими глазами возникла картина казни Зои Космодемьянской — точно с таким же наклоном головы...

Из дневника Халимы

«Обо всем, о чем можно было говорить, я написала. Об остальном — пока еще рано!.. Прощай!»

27—28 АВГУСТА 1987 ГОДА

Марал сообщила о случившемся несчастье в Москву. Хаиткулы с застывшими слезами в глазах долго не мог произнести ни слова. Так и не сомкнув глаз, утром он позвонил по телефону, попросил принять его.

Затем сдал ключ от номера, вызвал лифт и через минуту, подтянутый и строгий, вышел из гостиницы по направлению к Центральному телеграфу, что на улице Горького. Еще через несколько минут телеграмма соболезнования ушла по адресу: Чарджоу, ул. Комсомольская, 29. Розыбаевым.

Полдня бродил пешком по Москве. Никого и ничего не замечая, поглощенный сумрачными мыслями.

Преодолев подземный переход, очутился у входа в белокаменный дом, на левом углу которого красовалась табличка: Житная, 16.

А еще через день он расписался в получении следующего документа:

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Министерство
Внутренних дел СССР
«.....».....19...г.

Полковника милиции в отставке Хаиткулы Мовлямбердыева командировать в Чарджоускую область Туркменской ССР сроком на 30 дней с 1987 г. по 1987 г. на оперативное задание.

М. П. Начальник
 Гл. управления
 уголовного розыска МВД СССР /подпись/

ВЫПИСКА ИЗ ПАРТИЙНОГО ДОКУМЕНТА:

«В обком Компартии Туркменистана.

О факте злодейского убийства инструктора отдела административных органов обкома партии Розыбаевой Х. Д.

...Предварительным расследованием установлено, что убийство организовано мужем Джеббаровой Х., сотрудником органов внутренних дел, полковником милиции Солтановым Х., по сговору с ранее неоднократно суди-

мым, находившимся под административным надзором Худайкуловым А., помощником машиниста локомотивного депо города Чарджоу Шаммиевым Ч., автослесарем СМУ-1 по газификации Солтановым Б. Х. — сыном организатора преступления...

...Это убийство, как и другие преступления и злоупотребления, имеющие место в области, явились следствием крупных упущений и провалов в работе УВД облисполкома и его подразделений (тов. Анохин Н. И.), прокурора области (тов. Кадер Б. Л.), суда и юстиции (тт. Маметназаров К., Омиров Т.), неудовлетворительного контроля за их деятельностью со стороны партийных и советских органов...»

(Областная газета «Чарджоуская правда», № 233 от 25 ноября 1987 г.)

ОТ АВТОРА

В феврале 1988 года в городе Керки состоялся суд над Х. Джеббаровою, межрайпрокурором, обвиняемою в получении взяток в крупных размерах.

В марте в Чарджоу проходил также суд над убийцей и соучастниками злодейского преступления — убийства инструктора обкома партии Розыбаевой Х. Д.

Х. Джеббарова лишена свободы на 9 лет.

Х. Солтанов, полковник милиции, организатор убийства Халимы Розыбаевой, приговорен к 15 годам лишения свободы, его сын Б. Солтанов и машинист депо Ч. Шаммиев — соответственно к 10 годам каждый.

К убийце А. Худайкулову применена исключительная мера — расстрел.

...В эти дни отец Халимы Розыбай-ага занят распродажей книг, которые дочь собирала в течение многих лет. Деньги нужны для того, чтобы поставить на ее могиле памятник.

А трудящиеся республики ежедневно раскрывают свежие газеты в надежде прочесть указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Х. Розыбаевой звания (посмертно)...

Да, они хотят и требуют признать подвигом смерть Халимы.

...Хаиткулы Мовлямбердыев занят розыском двух «дипломатов» с документами, тайно и бесследно исчезнувших в день трагедии из квартиры инструктора обкома партии.